

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев

Комедия в двух действиях

Действие первое

Сцена представляет залу в доме богатого помещика; направо два окна и дверь в сад; налево дверь в гостиную; прямо – в переднюю. Между окнами раздвижной стол, на столе шашечница. Спереди налево другой стол и два кресла. Между гостиной и передней вход в коридор.

ТРЕМБИНСКИЙ (за сценой). Это беспорядок! Я во всем здесь нахожу беспорядок! Это непростительно!... (Входя в сопровождении лакея Петра). Я имею формальное предписание от госпожи! Меня здесь все должны слушаться! (К Петру.) Понимаешь ты меня?

ПЕТР. Слушаю-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Госпожа со своим супругом сегодня приехать изволят... меня вот наперед прислали, – а мы что здесь делаем? Ничего! Чистят ли дорожки в саду?

ПЕТР. Как же-с, чистят-с. С деревни бестягольных нагнали.

ТРЕМБИНСКИЙ (поступает к Петру). Да ты кто?

ПЕТР (с изумлением). Чего изволите-с?

ТРЕМБИНСКИЙ (подступает ближе к Петру). Ты кто, говорят тебе, кто ты?

ПЕТР (с возрастающим изумлением). Я-с?

ТРЕМБИНСКИЙ (подходит к самому носу Петра). Да, ты, ты, ты... Кто ты?

ПЕТР конфузится, глядит на ТРЕМБИНСКОГО и молчит.

ТРЕМБИНСКИЙ. Да говори же, наконец, – тебя я спрашиваю: кто ты такой?

ПЕТР. Я Петр-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Нет, ты лакей – вот ты кто. Дом – твое дело; и лампы чистить – тоже твое дело; а сад – не твое дело. Бестягольных ли нагнали или других там каких-нибудь – это не твое дело. Это дело приказчика. Я тебя не спрашивал; я от тебя ответа не требовал. Твое дело за приказчиком сходить. Вот это – твое дело.

ПЕТР. Да вот они сами сюда идут-с.

Входит ЕГОР из передней.

ТРЕМБИНСКИЙ. А, Егор Алексеич! Очень кстати изволили прийти. Скажите, пожалуйста, вы распорядились там в саду, насчет...

ЕГОР. Распорядился, Нарцыс Константиныч. Не извольте беспокоиться... Табачку не хотите ли?

ТРЕМБИНСКИЙ (берет табак у Егора и нюхает). Вы не поверите, Егор Алексеич, в каких я хлопотах я с утра. Признаюсь вам откровенно, не ожидал я в таком большом имении найти подобные беспорядки! Не по вашей части, разумеется, не по хозяйству – а в доме.

ЕГОР. Та-ак-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Вообразите себе, например, спрашиваю: музыканты имеются? Вы понимаете – надо господ как следует встретить. Говорят мне, имеются. Ну, говорю, подайте их сюда. Что ж вы думаете? Все они, музыканты-то, в разных должностях состоят. Кто огородником, кто сапожником; контрабас за волами ходит. На что это

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
похоже? Инструменты тоже в беспорядке. Насилу кое-как сладил. (Опять нюхает
табак.)

ЕГОР. Хлопотливую должность изволили получить-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Да, смею сказать, не даром хлеб свой ем... А что, музыканты стоят у
крыльца?

ЕГОР. Как же, у крыльца. Дождик накрапывать стал – так они было в официантскую
забрались: инструменты, говорят, подмочит. Да я их, признаться, выгнал. Ну
неравно вестовой прозеваает – господа вдруг пожалуют. А инструменты можно под
полой подержать.

ТРЕМБИНСКИЙ. Совершенно справедливо. Кажется, все теперь в порядке.

ЕГОР. Будьте спокойны, Нарцис Константиныч. (Взглядывает на Петра.) Ты что тут
торчишь? Ступай-ка вон, на свое место, мой любезный, между прочим... (Петр
уходит в переднюю. Из коридора выбегает Маша.) Ишь, ишь, ишь, куда, сударыня,
спешите?

МАША. Ах, Егор Алексеич, оставьте! Прасковья Ивановна уж и так затормошила
совсем. (Бежит в переднюю.)

ЕГОР (глядит ей вслед, потом оборачивается к Трембинскому и подмигивает глазом.
Трембинский ухмыляется). А позвольте узнать, Нарцис Константиныч, который час?

ТРЕМБИНСКИЙ (смотрит на часы). Три четверти одиннадцатого. Того и гляди господа
приедут.

Из передней показывается КУЗОВКИН, останавливается, делает кому-то сзади себя за
дверью знаки, осторожно входит и пробирается к столу возле окон.

ЕГОР. Пойду сбегая в контору. Староста, наверно, себе бороды не вычесал, а
целоваться небось тоже полезет... (Уходя, сталкивается с Кузовкиным.)

КУЗОВКИН. Здравствуйте, Егор Алексеич!

ЕГОР (не без досады). Эх, Василий Семеныч! Не до вас. (Уходит в переднюю.
Кузовкин продолжает пробираться к окну.)

ТРЕМБИНСКИЙ (оглядывается и замечает Кузовкина. Про себя). А, этот! (Кузовкин
кланяется Трембинскому, Трембинский небрежно кивает головой и говорит ему через
плечо.) Ну, что? И вы туда же? Тоже молодых господ встречать собрались?... а?

КУЗОВКИН. Как же-с.

ТРЕМБИНСКИЙ. Ну что ж, и рады вы? (Не дожидаясь его ответа.) Приоделись?

КУЗОВКИН. Да... то есть...

ТРЕМБИНСКИЙ. Хорошо, хорошо... Вы можете тут в уголку посидеть. (Кузовкин
кланяется.) Ах, да! Я и забыл! Петр!.. Петр!.. Петрушка!.. Что это? Никого нет в
передней?

ИВАНОВ (до половины высовываясь из передней). Что угодно-с?

ТРЕМБИНСКИЙ (не без удивления). Да позвольте... Вы... каким образом...

КУЗОВКИН (Трембинскому). Сосед... здешний-с... В гости ко мне пришел-с.

ТРЕМБИНСКИЙ (с расстановкою и качая головой). Эх, не время теперь... не место
здесь, господа!

ПЕТР выходит из передней мимо самого носа ИВАНОВА. ИВАНОВ прячется.

ТРЕМБИНСКИЙ (Петру). Где ты пропадаешь? Ступай за мной... Я хочу посмотреть –
что у тебя там в кабинете... Чай, все не так, как я приказал... Положись-ка на
вас!

Оба уходят в гостиную. КУЗОВКИН остается один.

КУЗОВКИН (после некоторого молчания). Ваня... а Ваня!

ИВАНОВ (из передней, не показываясь). Чего?

КУЗОВКИН. Войди, Ваня, ничего, можно.

ИВАНОВ (медленно входит). Я лучше уйду.

КУЗОВКИН. Нет, останься. Что за беда? Ты ко мне пришел. Вот поди сюда. Вот тут сядь-ка. Это вот мой угол.

ИВАНОВ. Пойдем лучше в твою комнату.

КУЗОВКИН. В мою комнату нам теперь идти нельзя. Там теперь белье разбирают... Перин тоже много нанесли. Да здесь чем худо?

ИВАНОВ. Нет, я лучше домой пойду.

КУЗОВКИН. Нет, Ваня, ты останься. Сядь-ка вот тут, ся-ядь. И я сяду. (Кузовкин садится.) Наши вот сейчас приедут. Посмотри на них.

ИВАНОВ. Чего смотреть.

КУЗОВКИН. Как чего смотреть? Ольга-то Петровна в Петербурге замуж вышла. Каков-то у нее муженек? Ну, да и ее мы с тобой давно не видали. Шесть лет с лишком. Сядь.

ИВАНОВ. Да что, Василий Семеныч, право...

КУЗОВКИН. Сядь, сядь, говорят. Ты не смотри на то, что новый дворецкий кричит. Бог с ним совсем! Он ведь для этого приставлен.

ИВАНОВ. Ольга-то Петровна, чай, за богатого вышла? (Садится.)

КУЗОВКИН. Не знаю, Ваня, как тебе сказать, а чиновник, говорят, важный. Ну, Ольге Петровне так и следовало. Не век же ей было со своей теткой жить.

ИВАНОВ. А как бы, Василий Семеныч, новый-то барин нас с тобою не выгнал.

КУЗОВКИН. А зачем ему нас выгнать?

ИВАНОВ. То есть я про тебя говорю.

КУЗОВКИН (со вздохом). Знаю, Ваня, знаю. Ты, брат, что ни говори, все-таки помещик. А на меня и платье-то не из целого кроют. Все с чужого плеча. А все-таки новый барин меня не выгонит. Покойный барин - и тот меня не выгнал... А уж на что был сердит.

ИВАНОВ. Да ты, Василий Семеныч, петербургских молодцов не знаешь.

КУЗОВКИН. А что, Иван Кузьмич, разве они... того?

ИВАНОВ. Просто, говорят, беда! Я их тоже не знаю, а слышал.

КУЗОВКИН (после минутного молчания). Ну, посмотрим. Я на Ольгу Петровну надеюсь. Она не выдаст.

ИВАНОВ. Не выдаст! Да она, чай, и забыла тебя совсем. Ведь она отсюда, после смерти покойной матушки своей, - с теткой-то со своей, - ребенком выехала. Что ей? И четырнадцати лет не было. Ты с ней в куклы игрывал велико дело! Она и не посмотрит на тебя.

КУЗОВКИН. Ну нет, Ваня.

ИВАНОВ. Вот увидишь.

КУЗОВКИН. Ну полно же, Ваня, пожалуйста.

ИВАНОВ. Да вот увидишь, Василий Семеныч.

КУЗОВКИН. Право, Ваня, перестань... сыграем-ка лучше в шашки... А? Как по-твоему? (Иванов молчит.) Что так сидеть-то? Давай-ка, брат, давай. (Берет шашечницу и расставляет шашки.)

ИВАНОВ (тоже расставляя шашки). Нашел время, нечего сказать. Дворецкий позволит тебе, как же!

КУЗОВКИН. А мы разве кому мешаем?

ИВАНОВ. Да господа сейчас приедут.

КУЗОВКИН. Господа приедут – мы бросим. В правой или в левой?

ИВАНОВ. Уж прогонят нас с тобой, Василий Семеныч, вот увидишь. В левой. Тебе начинать.

КУЗОВКИН. Мне... Я, брат, сегодня вот как начинаю.

ИВАНОВ. Вишь, что вздумал. А я вот как.

КУЗОВКИН. А я сюда.

ИВАНОВ. А я сюда.

Вдруг в передней поднимается шум, крики: "Едут! Едут! Нарцис Коскенкиныч! Едут!.." КУЗОВКИН и ИВАНОВ вскакивают.

КУЗОВКИН (в большом волнении). Едут? Едут?

Из гостиной раздается голос ТРЕМБИНСКОГО: "Что такое? Господа господа едут?" Он вместе с ПЕТРОМ выбегает из гостиной.

ТРЕМБИНСКИЙ (кричит). Музыканты! Музыканты по местам!

Убегает в переднюю; ПЕТР за ним. Из коридора выскакивает МАША.

МАША. Господа едут?

КУЗОВКИН. Едут, едут.

ИВАНОВ с тоской забивается в угол. МАША бежит в коридор с криком "Едут!". Через мгновение из коридора вырывается ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА, а из передней ТРЕМБИНСКИЙ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Едут?

ТРЕМБИНСКИЙ. Девочек зовите сюда, девочек!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (кричит в коридор). Девки! Девки!

ЕГОР (выбегая из передней). А где ж хлеб-соль, Нарцис Константиныч?

ТРЕМБИНСКИЙ (кричит во все горло). Петр! Петр! Хлеб-соль! Где хлеб-соль?

Вбегает ПЕТР, у него в руках блюдо с огромным кренделем и солонкой.

ТРЕМБИНСКИЙ (вырывает у Петра блюдо и передает его на руки Егору). Это вам... Ступайте на крыльцо, ступайте.

Выталкивает его вон вместе с ПЕТРОМ и ПРАСКОВЬЕЙ ИВАНОВНОЙ, бежит за ним и кричит в передней: "А люди-то где?.. людей сюда!"

ГОЛОС ТРЕМБИНСКОГО. Молчать теперь, молчать!

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Воцаряется глубокое молчание. КУЗОВКИН, который во все время тревоги находился в большом волнении, но почти не сходил с места, с жадностью прислушивается. Вдруг музыка начинает фальшиво играть: "Гром победы, раздавайся..." Карета подъезжает к крыльцу, раздаётся говор, музыка умолкает. Слышны лобызанья... Через мгновение входят ОЛЬГА ПЕТРОВНА, ее муж, у него в одной руке крендель; за ними ТРЕМБИНСКИЙ, ЕГОР с блюдом, ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА и дворня, которая, однако, останавливается в дверях.

ОЛЬГА (с улыбкой мужу). Ну вот, мы дома, наконец, Польша. (Елецкий жмет ей руку.) Как я рада! (Обращается к дворным.) Благодарствуйте, благодарствуйте! (Указывая на Елецкого.) Вот вам ваш новый господин... Прошу любить и жаловать. (К мужу.) Rendez vous, mon ami. (Елецкий отдает крендель Егору.)

ТРЕМБИНСКИЙ (наклонив всю верхнюю часть тела). Не угодно ли будет что приказать... покушать... или, может быть, чаю...

ОЛЬГА. Нет, благодарствуйте, после. (К мужу.) Я хочу показать тебе весь наш дом, твой кабинет... Я целых семь лет здесь не была... семь лет!

ЕЛЕЦКИЙ. Покажи.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (принимая с рук Ольги шляпу и мантилью). Матушка вы наша, голубушка...

ОЛЬГА (улыбается ей в ответ и глядит кругом). А постарел наш дом... и комнаты мне меньше кажутся.

ЕЛЕЦКИЙ (голосом ласкового наставника). Это всегда так кажется. Ты отсюда ребенком выехала.

КУЗОВКИН (который все время глаз не спускал с Ольги, подходит к ней). Ольга Петровна, позвольте... (Голос у него прерывается.)

ОЛЬГА (сперва не узнает его). А... ах, Василий... Василий Петрович, как ваше здоровье? Я вас и не узнала сперва.

КУЗОВКИН (целует у ней руку). Позвольте... поздравить...

ОЛЬГА (мужу, указывая на Кузовкина). Старый наш приятель, Василий Петрович...

ЕЛЕЦКИЙ (кланяется). Очень рад.

ИВАНОВ издали тоже кланяется, хотя его еще не заметили.

КУЗОВКИН (кланяется Елецкому). С приездом... Мы все... так рады...

ЕЛЕЦКИЙ (кланяется ему еще раз, и вполголоса жене). Кто это?

ОЛЬГА (тоже вполголоса). Бедный дворянин, у нас в доме проживает. (Громко.) Ну, пойдем, я тебе хочу весь дом показать... Я здесь родилась, Польша, я здесь выросла...

ЕЛЕЦКИЙ. Пойдем, с удовольствием... (Обращаясь к Трембинскому.) А вы, пожалуйста, прикажите моему камердинеру... вещи там мои...

ТРЕМБИНСКИЙ (торопливо). Слушаю, слушаю-с.

ОЛЬГА. Пойдем же, Польша. (Оба идут в гостиную.)

ТРЕМБИНСКИЙ (ко всей дворне, вполголоса). Ну, друзья мои, ступайте теперь по местам. Вы, Егор Алексеич, останьтесь в передней – неравно барин спросит.

ЕГОР и дворные уходят в переднюю, ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА с горничными в коридор.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (в дверях). Идите, идите... Да ты, Машка, чего смеешься? (Уходит.)

ТРЕМБИНСКИЙ (к Кузовкину и Иванову). А вы, господа, здесь останетесь, что ли?

КУЗОВКИН. Мы здесь останемся.

ТРЕМБИНСКИЙ. Ну хорошо... Только, пожалуйста, вы знаете... (Делает знаки руками.) Ради бога... а то ведь с нас же взьмут... (Уходит на цыпочках в переднюю.)

КУЗОВКИН (глядит ему вслед и быстро обращается к Иванову). А, Ваня, какова? Нет, скажи, какова? Как выросла, а? Красавица какая стала? И меня не забыла. А видишь, Ваня, видишь: выходит – я прав.

ИВАНОВ. Не забыла... А зачем же она тебя Василием Петровичем-то величает?

КУЗОВКИН. Экой ты, Ваня! Ну, что ж тут такое – Петрович, Семеныч, ну, не все ли равно; ну, сам посуди, ты ведь умный человек. Мужу своему меня представила. Видный мужчина! Молодец! И лицо такое... О, да он, должно быть, чиновный человек! Как ты думаешь, Ваня?

ИВАНОВ. Не знаю, Василий Семеныч. Я вот лучше уйду.

КУЗОВКИН. Экой ты, Ваня! Да что с тобой сделалось? На себя, ей-богу, не похож. Уйду да уйду. Ты лучше мне скажи, какова тебе наша молодая показалась?

ИВАНОВ. Хороша, что ж, я не говорю.

КУЗОВКИН. Улыбка одна чего стоит... А голос, а? Малиновка, просто, канарейка. И мужа своего любит. Это сейчас видно. А, Ваня? Ведь видно?

ИВАНОВ. Господь их знает, Василий Семеныч.

КУЗОВКИН. Грешно тебе, Иван Кузьмич, ей-богу грешно. Человеку весело, – а ты... Да вот они опять сюда идут.

Входят ОЛЬГА и ЕЛЕЦКИЙ из гостиной.

ОЛЬГА. Не велик наш дом, как видишь. Чем богаты, тем и рады.

ЕЛЕЦКИЙ. Помилуй, прекрасный дом; превосходно расположен.

ОЛЬГА. Ну, теперь пойдем в сад.

ЕЛЕЦКИЙ. С удовольствием... а впрочем... мне бы хотелось слова два переговорить с твоим управляющим.

ОЛЬГА (с упреком). С твоим?

ЕЛЕЦКИЙ (с улыбкой). С нашим. (Целует у ней руку.)

ОЛЬГА. Ну, как хочешь. Я вот с собой Василья Петровича возьму. Василий Петрович, пойдемте в сад.... Хотите?

КУЗОВКИН (С сияющим от удовольствия лицом). Помилуйте... я... я...

ЕЛЕЦКИЙ. Надень шляпу, Оля.

ОЛЬГА. Не нужно. (Накидывает шарф на голову.) Пойдемте, Василий Петрович.

КУЗОВКИН. Позвольте, Ольга Петровна, представить вам одного... тоже... здешнего соседа, Иванова...

ИВАН КУЗЬМИЧ конфузится и кланяется.

ОЛЬГА. Очень рада. (К Иванову.) Угодно вам идти с нами в сад? (Иванов кланяется.) Дайте мне вашу руку, Василий Петрович...

КУЗОВКИН (не веря ушам). Как-с...

ОЛЬГА (смеясь). Да вот так. (Берет его руку и продевает свою.) Помните ли вы,
Страница 6

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Василий Петрович... (Уходят в стеклянную дверь. Иванов идет за ними.)

ЕЛЕЦКИЙ (подходит к стеклянной двери, глядит вслед жене, возвращается к столу налево и садится). Эй! Кто там? Человек!

ПЕТР (выходя из передней). Чего изволите-с?

ЕЛЕЦКИЙ. Как тебя зовут, любезный?

ПЕТР. Петром-с.

ЕЛЕЦКИЙ. А! Ну, так позови же мне управляющего – как бишь его зовут Егором, что ли?

ПЕТР. Точно так-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Позови-ка его.

ПЕТР уходит. Спустя мгновение входит Егор, останавливается у дверей и складывает руки за спину.

ЕЛЕЦКИЙ (голосом начальника отделения). Егор, я намерен осмотреть завтра имение Ольги Петровны.

ЕГОР. Слушаю-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Много здесь душ?

ЕГОР. В селе Тимофеевском триста восемьдесят четыре мужеска пола, по ревизии. Налицо больше...

ЕЛЕЦКИЙ (глядит на Егора с некоторым недоумением). Гм.... А удобной земли много?

ЕГОР. Достаточно-с. Двести семьдесят пять десятин в клину.

ЕЛЕЦКИЙ (опять с недоумением глядит на Егора). А неудобной сколько?

ЕГОР (с некоторой расстановкой). Как вам доложить-с.... Под кустарниками... овраги тоже есть.... Ну, да вот под усадьбой... выгон тоже. (Оправившись.) Под покос идет-с.

ЕЛЕЦКИЙ (играя бровями). А сколько именно?

ЕГОР. Да кто ее знает-с. Земля не мерянная. Разве на плане означено. Десятин, пожалуй, что, пятьдесят набезит.

ЕЛЕЦКИЙ (про себя). Все это беспорядки. (Громко.) А лес есть?

ЕГОР. Двадцать восемь десятин-с с осьминником.

ЕЛЕЦКИЙ (громко с расстановкой). Стало быть, всего десятин эдак с пятьсот имеется?

ЕГОР. С пятьсот-с? За две тысячи наберется.

ЕЛЕЦКИЙ. Как же ты сам... (Останавливается.) Да... да... я... я так и хотел сказать. Понимаешь?

ЕГОР. Слушаю-с.

ЕЛЕЦКИЙ (весьма серьезно). Ну, а что, здешние мужики хорошо себя ведут? Смирны?

ЕГОР. Народ хороший-с. Острастку любит-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Гм.... Ну и не разорены?

ЕГОР. Как можно-с! Никак нет-с. Много довольны.

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

ЕЛЕЦКИЙ. Ну, я это все сам завтра разберу. Можешь идти. Да, скажи, пожалуйста, что это за господин тут живет – кто он такой?

ЕГОР. Кузовкин, Василий Семеныч, дворянин. На хлебах-с проживает. Еще со времен старого барина. Они их, можно сказать, для потехи при себе держали.

ЕЛЕЦКИЙ. И давно он здесь живет?

ЕГОР. Давно-с. Со смерти старого барина двадцатый год пошел, а Василий Семеныч-то еще при жизни покойника у нас поселился.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну, хорошо.... А что – у вас контора ведь есть?

ЕГОР. Как без конторы быть-с...

ЕЛЕЦКИЙ. Это я все завтра осмотрю. Ступай. (Егор уходит.) А этот управляющий, кажется, глуп. Впрочем, увидим. (Встает и прохаживается.) Вот я и в деревне – у себя в деревне. Странно как-то. А хорошо.

В передней раздается голос ТРОПАЧЕВА: "Приехали?" Сегодня?"

ЕЛЕЦКИЙ (про себя). Кто это?

ПЕТР (входя из передней). Тропачев, Флегонт Александрыч, приехали-с. Желают вас видеть-с... Что прикажете доложить-с?

ЕЛЕЦКИЙ (про себя). Кто бишь это такой... Знакомое имя. (Громко.) Приси.

ТРОПАЧЕВ (входит). Здравствуйте, Павел Николаич, bonjour. (Елецкий кланяется с заметным недоумением.) Вы меня как будто не узнаете.... Помните, в Петербурге, у графа Купцова...

ЕЛЕЦКИЙ. Ах, точно... милости просим, я очень рад... (Жмет ему руку.)

ТРОПАЧЕВ. Я ваш ближайший сосед. Живу в двух верстах отсюда. В город езжу мимо самого вашего дома. Я знал, что вас ожидали.... Дай, думаю, заеду, справлюсь сегодня. Но если я не вовремя приехал, вы мне, пожалуйста, скажите. Entre gens compte il fault – вы понимаете, – что за церемонии!

ЕЛЕЦКИЙ. Напротив, – я надеюсь, что вы останетесь обедать у нас... хотя я не знаю, что нам приготовил наш деревенский повар.

ТРОПАЧЕВ (рисуюсь и играя палкой). О, боже мой, я знаю, у вас все на большой ноге. Вы, я надеюсь, сделаете мне тоже честь отобедать на днях у меня... Вы не поверите, как я рад вашему приезду. Здесь так мало порядочных людей, des gens compte il fault. – Et madame? Как ее здоровье? Я знавал ее ребенком. Да, да, я знаю вашу жену, очень хорошо знаю. Поздравляю вас, Павел Николаич, от души поздравляю. Хе-хе. Но она, вероятно, меня нисколько не помнит. (Опять рисуется и гладит бакенбарды.)

ЕЛЕЦКИЙ. Она будет очень рада... Она пошла гулять в сад с этим... с этим господином, который здесь проживает.

ТРОПАЧЕВ (с пренебрежением). А – с этим! Ведь это, кажется, нечто вроде шута.... А впрочем, человек он смирный. Кстати, со мной другой дворянин приехал... Он там в передней... Вы позволите?

ЕЛЕЦКИЙ. Сделайте одолжение.... Как же в передней...

ТРОПАЧЕВ. Oh, ne faites pas attention. Это так; это... это ничего. Тоже по бедности у меня проживает. Ездит со мной.... Одному, знаете, в дороге скучно. Пожалуйста, не беспокойтесь... je vous en prie. (Подходит к передней.) Карпачов! Войди, братец. (Карпачов выходит и кланяется.) Вот-с, Павел Николаич, рекомендую-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Я очень рад.

ТРОПАЧЕВ (берет Елецкого под руку и тихонько отворачивает его от Карпачова,

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru который скромно отходит в сторонку). C'est bien, c'est bien. Надолго вы у нас поселились, Павел Николаич?

ЕЛЕЦКИЙ. Я взял трехмесячный отпуск. (Оба начинают ходить взад и вперед.)

ТРОПАЧЕВ. Мало... мало. Ну, я понимаю, вам нельзя было больше. И то, я думаю, вас с трудом отпустили. Хе-хе. Надо вам отдохнуть. Что, вы охоту любите?

ЕЛЕЦКИЙ. Я отроду ружья в руки не брал....Однако перед отъездом купил себе собаку. А что, здесь много дичи?

ТРОПАЧЕВ. Есть, есть. Это уж, если вы позволите, я на себя возьму. Мы из вас сделаем охотника. (К Карпачову.) Что, у нас в Малиннике выводки есть?

КАРПАЧОВ (из угла басом). Два выводка, - а в Каменной Гряде три.

ТРОПАЧЕВ. А, хорошо!

КАРПАЧОВ. Федул-лесник тоже намедни сказывал, что в Горелом...

Из сада входит ОЛЬГА с КУЗОВКИНЫМ и ИВАНОВЫМ. КАРПАЧОВ умолкает и кланяется.

ОЛЬГА. Ах, Польша, как наш сад хорош... (Останавливается при виде Тропачева.)

ЕЛЕЦКИЙ (Ольге). Позволь мне тебе представить...

ТРОПАЧЕВ (перебивая Елецкого). Извините, извините, мы старые знакомые... Ольга Петровна, вероятно, не узнает меня... И не удивительно. Я ее знал (показывая рукой на аршин от пола) *comme sa*. (Рисует и продолжает с улыбкой.) Тропачев, Флегонт... Помните соседа Тропачева, Флегонта? Помните, он вам игрушки из города привозил? Вы были тогда такой милый ребенок, - а теперь... (Значительно напирает на последнем слове, кланяется, отступает шаг назад и выпрямляется, весьма довольный собою.)

ОЛЬГА. Ах, месье Тропачев, как же... Я теперь узнаю вас... (Протягивает ему руку.) Вы не поверите, как я счастлива с тех пор, как я здесь.

ТРОПАЧЕВ (сладко). Будто только с тех пор?

ОЛЬГА (улыбается ему в ответ). Мое детство так живо вспомнилось... Польша, ты непременно должен со мною пойти в сад. Я покажу тебе акацию, которую я сама посадила... Она теперь гораздо выше меня.

ЕЛЕЦКИЙ (Ольге, указывая на Карпачова). Месье Карпачов, тоже сосед.

КАРПАЧОВ кланяется и жмет в угол, куда уже успели забиться КУЗОВКИН и ИВАНОВ.

ОЛЬГА. Я очень рада...

ТРОПАЧЕВ (Ольге). *Ne faites pas attention*. (Громко и потирая руки.) Итак, вот вы у себя в деревне, наконец - хозяйкой.... Как время-то летит, а?

ОЛЬГА, Вы надеюсь, у нас обедаете?

ЕЛЕЦКИЙ. Я уже пригласил... *pardon*... как вас по имени и по отчеству?

ТРОПАЧЕВ. Флегонт Александрыч.

ЕЛЕЦКИЙ. Я уже пригласил Флегонта Александрыча.... Боюсь я только, что обед...

ТРОПАЧЕВ. О, полноте!

ОЛЬГА (отводя немного Елецкого в сторону). Не вовремя приехал этот господин...

ЕЛЕЦКИЙ. Да.... Впрочем, он, кажется, порядочный человек.

ТРОПАЧЕВ (отходит в сторону и, непринужденно покачиваясь и покусывая набалдашник своей палки, подходит к Кузовкину и говорит ему в нос). А, вот вы? Ну, как вы?

КУЗОВКИН. Слава богу-с – покорнейше благодарю-с.

ТРОПАЧЕВ (указывая локтем на Карпачова). Вы ведь его знаете?

КУЗОВКИН. Как же-с... мы знакомы-с.

ТРОПАЧЕВ. Так, так, так... (К Иванову.) А как бишь вас? И вы тут?

ИВАНОВ. И я-с.

ОЛЬГА (к Тропачеву). Месье... месье Тропачев...

ТРОПАЧЕВ (быстро оборачивается). Мадам?

ОЛЬГА. Ведь я с вами, как со старым приятелем, – без церемонии, не правда ли?

ТРОПАЧЕВ. Помилуйте...

ОЛЬГА. Вы мне позволите пойти к себе... Мы только что приехали... Надобно посмотреть...

ТРОПАЧЕВ. Сделайте одолжение, Ольга Петровна... Да и вы, Павел Николаич, будьте как дома, хе-хе. Мы вот здесь поболтаем немножко с этими господами...

ОЛЬГА. Притом – вы хоть и старый приятель, но все-таки мне совестно... в этом дорожном платье...

ТРОПАЧЕВ (ухмыляясь). Я бы не принял подобного... подобного предлога... если бы я не знал, что для дам... туалет... всегда... так сказать... всегда приятно... (Запутывается, кланяется и рисуется.)

ОЛЬГА (смеясь). Вы злы... Я вас оставляю, господа... до свиданья. (Уходит в гостиную.)

ТРОПАЧЕВ. Павел Николаич, позвольте мне еще раз поздравить вас... Вы, можно сказать, счастливый человек...

ЕЛЕЦКИЙ (улыбается и жмет ему руку). Вы правы... Фаддей... Флегонт Александрыч.

ТРОПАЧЕВ. Но, послушайте, я вас, может быть, удерживаю?

ЕЛЕЦКИЙ. Напротив, Флегонт Александрыч. Знаете ли что?... Вам, как хозяину, это не будет неприятно...

ТРОПАЧЕВ (надвигаясь на Павла Николаича и прижимая его руку к своему желудку). Располагайте мною, Павел Николаич, прошу вас.

ЕЛЕЦКИЙ. Хотите, мы перед завтраком сходим на гумно? Отсюда два шага подле сада.

ТРОПАЧЕВ. Enchante! Помилуйте.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну так берите вашу шляпу. (Громко.) Человек, кто там? (Входит Петр.) Завтрак вели приготовить.

ПЕТР. Слушаю-с. (Уходит.)

ТРОПАЧЕВ. Карпачов пойдет с нами, если вы позволите.

ЕЛЕЦКИЙ. Очень рад...

Оба уходят. КАРПАЧОВ идет за ними.

КУЗОВКИН (живо обращаясь к Иванову). Ну, Ваня, скажи теперь сам, какова наша Оля?

ИВАНОВ. Что ж, я не говорю, – хороша.

КУЗОВКИН. А ласкова-то как, Ваня?

ИВАНОВ. Да – она не то, что он.

КУЗОВКИН. А чем же он дурен? Ты, Ваня, рассуди: он человек важный, привык, знаешь, эдак себя держать. Он бы и рад, да ты понимаешь: нельзя. Оно у них так там требуется. А заметил ли ты, Ваня, какие у ней глаза?

ИВАНОВ. Нет, не заметил, Василий Семеныч.

КУЗОВКИН. Я, брат, тебе после этого удивляюсь, – ей-богу. Это нехорошо, Ваня, право нехорошо.

ИВАНОВ. Может быть; что ж, я не говорю.... А вот дворецкий идет.

КУЗОВКИН (понижив голос). Ну что ж, что идет. Мы ничего.

Входит ТРЕМБИНСКИЙ с ПЕТРОМ. ПЕТР несет завтрак на подносе.

ТРЕМБИНСКИЙ (выдвигая стол на середину сцены). Вот здесь поставь, да не разбей, смотри. (Петр ставит поднос и разворачивает скатерть. Трембинский отнимает ее у него.) Подай.... Это я сам, а ты за вином ступай. (Петр уходит. Трембинский накрывает стол и сбоку поглядывает на Кузовкина.) Эка, подумаешь, иные люди – точно в сорочке рождаются! Наш брат бьется, как рыба об лед, из-за куска хлеба, а им все достается даром. Где после этого, позвольте спросить, справедливость на свете? Удивительное, право, дело!

КУЗОВКИН (осторожно прикасается плеча Трембинского. Трембинский глядит на него с удивлением). Об стену... замарались...

ТРЕМБИНСКИЙ. Вот еще... велика беда... оставьте. (Входит Петр с бутылками и вазой шампанского, которую ставит на маленький стол подле двери.) Ну, иди, поворачивайся. (Берет бутылки и ставит на стол.) Да шашки вон приברי.... Вишь, когда вздумали господа играть.... И что за игра? Дворянская это игра, что ли? (Петр убирает шашки.)

ИВАНОВ (тихо Кузовкину). Прощай, брат.

КУЗОВКИН (тихо). Куда ты?

ИВАНОВ (тихо). Домой.

КУЗОВКИН (тихо). Полно, останься.

ЕГОР (выглядывая из передней, торопливо). Нарцис Константинович, а Нарцис Константинович...

ТРЕМБИНСКИЙ (оглядываясь). Чего?

ЕГОР. Куда барин пошел?

ТРЕМБИНСКИЙ. На гумно. А вы что ж не с ним?

ЕГОР. На гумно.... Ах, батюшки...

Хочет бежать, но тотчас же выпрямляется, закидывает руки назад и жметя к двери.... Входят ЕЛЕЦКИЙ, ТРОПАЧЕВ и КАРПАЧОВ.

ЕЛЕЦКИЙ (Тропачеву). Итак, – vous etes content?

ТРОПАЧЕВ. Tres bien, tres bien, tout est tres bien.... А, Егор, здравствуй! (Егор кланяется. Тропачев треплет его по плечу.) Это у вас прекрасный человек, Павел Николаич... Вы можете смело на него положиться. (Егор опять кланяется и уходит.) А вот и завтрак. (Подходит к столу.) Э! Да это целый обед! Somme s'est bien servi! (Снимает серебряную крышку с одного блюда.) Дупели...прошу покорно... хоть бы у Сен-Жоржа.... Экая bestia этот Сен-Жорж! А кормит славно. Я таки проел у него не одну сотню...

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

ЕЛЕЦКИЙ. Сядемте – хотите? Человек! Стулья...

ПЕТР подает стулья, ТРЕМБИНСКИЙ хлопочет около господ. ЕЛЕЦКИЙ с ТРОПАЧЕВЫМ садятся.

ТРОПАЧЕВ (Карпачову). Садись и ты, Карпаче... (Елецкому.) C'est comme cela que je l'appelle... Vous permettez?

ЕЛЕЦКИЙ. Сделайте одолжение... (Кузовкину и Иванову, которые все не выходят из своего угла.) Да вы что ж, господа, не садитесь... Милости просим.

КУЗОВКИН (кланяясь). Покорнейше благодарим-с.... Постоим-с...

ЕЛЕЦКИЙ. Садитесь, прошу вас.

КУЗОВКИН и ИВАНОВ робко садятся за стол. ТРОПАЧЕВ сидит, для зрителя, налево от ЕЛЕЦКОГО, КАРПАЧОВ на некотором расстоянии направо, возле него КУЗОВКИН и ИВАНОВ. ТРЕМБИНСКИЙ, с салфеткой под мышкой, стоит позади ЕЛЕЦКОГО, ПЕТР возле двери.

ЕЛЕЦКИЙ (снимает крышку с блюда). Ну, господа, чем бог послал.

ТРОПАЧЕВ (с куском во рту). Parfait, parfait, – у вас чудесный повар, Павел Николаич...

ЕЛЕЦКИЙ. Вы слишком добры! Итак, вы думаете, умолот хорош будет в нынешнем году?

ТРОПАЧЕВ (продолжая есть). Я так думаю. (Выпивая рюмку вина.) За ваше здоровье! Карпаче, что ж ты не пьешь за здоровье Павла Николаича?

КАРПАЧОВ (вскакивая). Многие лета достойному нашему хозяину... (выпивает рюмку разом) и всяких благ... (Садится.)

ЕЛЕЦКИЙ. Спасибо.

ТРОПАЧЕВ (подталкивая локтем Елецкого, Карпачову). Вот бы кого в предводители! А! Как думаешь?

КАРПАЧОВ. Еще бы! Какого еще им рожна надобно?

ТРОПАЧЕВ. А ведь в самом деле, Павел Николаич, если б не служба какой удивительный сыр, – если б не служба, знаете, быть бы вам нашим предводителем!

ЕЛЕЦКИЙ. Помилуйте...

ТРОПАЧЕВ. Нет, я не шучу. (Кузовкину.) А что ж не пьете за здоровье Павла Николаича – а? (Иванову.) И вы тоже – а?

КУЗОВКИН (не без замешательства). Я очень рад...

ТРОПАЧЕВ. Карпаче, налей ему... да полней. Вот так, что за церемонии.

КУЗОВКИН (встает). За здоровье почтенного хозяина... и хозяйки. (Кланяется, пьет и садится. Иванов тоже кланяется и пьет молча.)

ТРОПАЧЕВ. А, bravo! (Елецкому.) погодите... nous allons rire. Он довольно забавен – только надо его подпоить. (К Кузовкину, играя ножом.) Ну, как вы поживаете, имярек Иваныч? Я вас давно не видал. Все помаленьку небось?

КУЗОВКИН. Помаленьку-с, как вы сказывать изволите-с.

ТРОПАЧЕВ. Так. Ну, хорошо. А что, Ветрово достается вам, наконец, или нет?

КУЗОВКИН (потупляя глаза). Вам угодно шутить-с.

ТРОПАЧЕВ. Помилуйте, с чего вы это взяли? Я в вас участие принимаю. Я нисколько не шучу.

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
КУЗОВКИН (со вздохом). Никакого еще решенья нету-с.

ТРОПАЧЕВ. Будто?

КУЗОВКИН. Никакого-с.

ТРОПАЧЕВ. Потерпите, что делать! (К Елецкому, мигая глазом.) Вы, Павел Николаич, может быть, не знаете, что в лице господина Кузовкина вы видите перед собою помещика, настоящего помещика, владельца – или нет бишь, наследника, но законного наследника сельца Ветрова, Угарова тож.... Сколько бишь у вас душ?

КУЗОВКИН. В сельце Ветрове по восьмой ревизии сорок две души состоит; но оно не все мне достается.

ТРОПАЧЕВ (тихо Елецкому). Он на этом Ветрове помешан. (Громко.) А в вашем участке сколько десятин?

КУЗОВКИН (понемногу переставая робеть). Да за выделом седьмых частей и прочих законных треб – восемьдесят четыре десятины с лишком.

ТРОПАЧЕВ. А душ сколько вам достается?

КУЗОВКИН. Душ неизвестно сколько. Многие в бегах состоят-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Да от чего же вы не владеете вашим именем?

КУЗОВКИН. А тяжба-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Тяжба? С кем?

КУЗОВКИН. А другие оказываются наследники. Казенные долги тоже есть, ну и частные.

ЕЛЕЦКИЙ. И давно это дело завязалось?

КУЗОВКИН (постепенно одушевляясь). Давно-с. Еще при покойнике-с, царство ему небесное! За мной бы осталось, да денег нет. Времени тоже мало. Следовало бы в город съездить, разумеется, попросить, похлопотать – да, вишь, некогда-с. Гербовая бумага одна чего стоит. А человек я бедный-с.

ТРОПАЧЕВ. Карпаче, налей ему еще рюмку.

КУЗОВКИН (отказываясь). Покорнейше благодарю-с.

ТРОПАЧЕВ. Полноте. (Пьет сам.) За ваше здоровье. (Кузовкин встает, кланяется и пьет.) Ну, так как же вы? Эдак не ладно. Эдак вы, пожалуй, дело-то проиграете.

КУЗОВКИН. Что делать-с! Вот уже более года справок даже не собирал... (Тропачев с укором качает головой.) Правда, есть там у меня один человек... Я на него таки надеюсь, – а впрочем, господь его знает?

ТРОПАЧЕВ (показывая на Елецкого). А что это за человек, можно узнать?

КУЗОВКИН. По-настоящему нельзя – ну, да уж что!.. Лычков, Иван Архипыч, изволите знать?

ТРОПАЧЕВ. Не знаю; кто он такой?

КУЗОВКИН. А как же... стряпчий уездный... то есть он прежде был стряпчим... правда, не здесь, – а в Вене. Теперь так проживает, больше торговыми оборотами занимается.

ТРОПАЧЕВ (продолжая поглядывать на Елецкого, которого начинает смешить Кузовкин). И этот господин Лычков обещал вам помочь?

КУЗОВКИН (помолчав немного). Обещал-с. Я у него второго сыночка крестил-с, так вот он и обещал-с. Я, дескать, тебе это дело устрою, погоди. А Иван Архипыч известный мастак-с.

ТРОПАЧЕВ. Ой, ли?

КУЗОВКИН. По губернии мастак-с.

ТРОПАЧЕВ. Да ведь он, вы говорите, в отставке и торговыми оборотами занимается?

КУЗОВКИН. Оно точно-с; такая уж ему задача вышла-с, да человек-то он золотой. А я его таки давненько не видал.

ТРОПАЧЕВ. А как?

КУЗОВКИН. Да уж будет с год-с.

ТРОПАЧЕВ. Эх, как же это вы так, как бишь вас! Нехорошо.

КУЗОВКИН. Совершенную правду изволите говорить-с. Да что прикажете делать-с!

ЕЛЕЦКИЙ. Да расскажите нам, в чем дело?

КУЗОВКИН (откашливаясь и приходя в азарт). Дело вот в чем-с, Павел Николаич. Вы извините мою смелость... но, впрочем, вам самим угодно. Дело вот в чем-с. Сельцо Ветрово... Признаться, я отроду не говаривал перед сановником... вы меня извините, коли я что...

ЕЛЕЦКИЙ. Говорите, говорите смело.

ТРОПАЧЕВ (указывая Карпачову на рюмку, Кузовкину). А рюмочку? А?

КУЗОВКИН (отказываясь). Нет, уж позвольте-с...

ТРОПАЧЕВ. Для куражу?

КУЗОВКИН. Разве для куражу. (Пьет и утирает лоб платком.) И так-с, доложу вам-с, сельцо Ветрово, о котором вот теперь речь идет, сие сельцо досталось по прямой нисходящей линии от деда моего Кузовкина, максима-с, секунд-майора, может быть, изволите слышать, - родным братьям, Максимовым сыновьям, родителю моему, Семену, и дяде моему родному, Никтополиону. Родитель мой, Семен, с братом своим родным, а мои дядей, при жизни не делился; а дядя мой умер бездетным, вот что прошу заметить, - а только умер он после кончины отца моего родного, Семена; а была у них сестра, тоже родная, Катерина... и вышла она, Катерина, замуж за Ягушкина, Порфирия; а у Ягушкина Порфирия был от первой жены, польки, сын Илья, пьяница горький и бурмасы, которому Илье дядя мой Никтополион, стало быть, по навету сестры Катерины, дал вексель в тысячу семьсот рублей, а сама Катерины тоже мужу своему Порфирию, вексель в тысячу семьсот рублей определила и с отца моего родного чрез посредство заседателя уездного суда Галушкина тоже вексель... только в две тысячи рублей взяла, причем и Галушкинова жена участвовала... На этих порах отец мой - царство ему небесное - возьми да и умри. Пошли векселя к взысканью. Никтополион туда-сюда: говорит... я не делился, имение сие мое вообще с племянником; Катерина - четырнадцатую часть, говорит, подай; казенные недоимки тоже под тот случай подвернулись... Беда! Галушкинова жена вдруг хлоп вексель со своей стороны... Никтополион говорит: за то племянник, дескать, отвечает... а какой, изволите рассудить, с малолетнего ответ? А Галушкин его к суду. Полькин сын туда же, да еще и спушу... она, говорит, у меня прислужницу Акулину опоила... Заварилась каша. Покатили просьбы. В уездный суд, в губернское, а из губернского опять в уездный с надписью... а после смерти Никтополиона совсем худо пошло. Я требую ввода во владение... а тут отдается приказ: по казенным недоимкам продать сельцо Ветрово сукционному торгу. Немец Гангинместер права свои заявляет... а тут, глядишь, мужики, словно куропатки, бегут, бегут, уездный предводитель мне в дверях выговор читает, кричит, под опеку... а какое под опеку... Законный наследник не введен... на полькина сына Илью мачеха Катерина жалобу в самый Правительствующий сенат...

Остановленный всеобщим хохотом, КУЗОВКИН умолкает и страшно конфузится. ТРЕМБИНСКИЙ, который все время подобострастно и не совсем решительно взглядывал на господ и почтительно участвовал в их веселости, с визгом смеется в руку. ПЕТР глупо ухмыляется, стоя у двери. КАРПАЧОВ хохочет густо, но не без осторожности. ТРОПАЧЕВ заливается. ЕЛЕЦКИЙ смеется несколько презрительно и щурит глаза. Один

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
ИВАНОВ, который во время рассказа не раз дергал за полу разгоряченного
КУЗОВКИНА, сидит потупя голову.

ЕЛЕЦКИЙ (Кузовкину сквозь смех). Продолжайте, зачем же вы остановились?

ТРОПАЧЕВ. Сделайте одолжение, как бишь вас, продолжайте.

КУЗОВКИН. Я... извините... беспокоил, знать...

ТРОПАЧЕВ. А, я вижу, в чем дело... вы робеете... не правда ли, вы робеете?

КУЗОВКИН (погасшим голосом). Точно так-с.

ТРОПАЧЕВ. Ну, этому горю помочь нужно... (Поднимая пустую бутылку.) Человек!
Дай-ка нам еще вина... (Елецкому.) Vous permettez?

ЕЛЕЦКИЙ. Сделайте одолжение... (Трембинскому.) Да нет ли шампанского?

ТРЕМБИНСКИЙ. Как не быть-с... (Бежит к вазе с шампанским и поспешно ее
приносит.)

КУЗОВКИН улыбается и берется за пуговицы своего сюртука.

ТРОПАЧЕВ (Кузовкину). Это нехорошо, почтеннейший! Робеть... в порядочном
обществе это не принято. (Елецкому, указывая на вазу с шампанским.) Как - уже
замороженное? Mais c'est magnifique. (Наливает бокал.) Хорошее, должно быть,
вино. (Кузовкину.) Это вот вам. Да не отказывайтесь же... Ну, зарпортовались
немножко - что за беда? Павел Николаич, прикажите ему пить...

ЕЛЕЦКИЙ. За здоровье будущего владельца Ветрова! Пейте же, Василий... Василий
Алексеич. (Кузовкин пьет.)

ТРОПАЧЕВ. Вот люблю! (Встает с Елецким; все встает и идут на авансцену.) Какой
славный завтрак! (Кузовкину.) Ну, так как же? В чем бишь дело? С кем у вас тяжба
теперь?... а?

КУЗОВКИН (начиная приходить в волнение от вина). С гангинместеровскими
наследниками, разумеется...

ТРОПАЧЕВ. Да кто этот господин?

КУЗОВКИН. А известно, немец. Он векселя скупил, а другие говорят, что просто
взял. Я сам того же мненья. Запугал баб - да и взял.

ТРОПАЧЕВ. А Катерина-то что же глядела? А полькин сын, Илья?

КУЗОВКИН. Э! эти все перемерли. Полькин сын даже сгорел - в постоялом дворе, в
пьяном виде, на большой дороге, по случаю пожара. (К Иванову.) Да полно тебе
меня за полу дергать. Я перед господами как следует изъясняюсь. Они сами того
требуют. Что ж тут худого... а?

ЕЛЕЦКИЙ. Оставьте его, господин Иванов, нам очень приятно его слушать.

КУЗОВКИН (Иванову). То-то же. (Елецкому и Тропачеву.) Ведь я господа, чего
требую? Я требую справедливости, законного порядка вещей. Я не из честолюбия.
Честолюбие - бог с ним совсем! Рассудите, дескать, нас. Коли я виноват - ну,
виноват; а коли прав, коли прав...

ТРОПАЧЕВ (перебивая его). А еще рюмочку?

КУЗОВКИН. Нет-с, покорнейше благодарю-с. Ведь я чего требую-с...

ТРОПАЧЕВ. В таком случае позвольте вас обнять.

КУЗОВКИН (не без изумленья). Много чести-с... Покорнейше-с...

ТРОПАЧЕВ. Нет, вы мне очень нравитесь... (Обнимает его и держит некоторое
время.) Поцеловал бы я вас, мой голубчик, да нет, лучше после.

КУЗОВКИН. Как угодно-с.

ТРОПАЧЕВ (мигая Карпачову). Ну, Карпаче, теперь твоя очередь...

КАРПАЧОВ (с густым смехом). Ну-ка, Василий Семеныч, позвольте-ка вас прижать к моему сердцу... (Обнимает Кузовкина и вертится с ним. Все смеются, каждый по-своему.)

КУЗОВКИН (вырываясь из объятий Карпачова). Да полно же вам...

КАРПАЧОВ. Ну, не ломайся... (Тропачеву.) Вы, Флегонт Александрыч, прикажите-ка лучше ему песенку спеть... Он у нас первый мастер.

ТРОПАЧЕВ. Вы поете, друг мой? .. Ах, сделайте одолжение, покажите нам свой талант!

КУЗОВКИН (Карпачову). Что вы на меня за небылицы взводите? Какой я певец?

КАРПАЧОВ. А при покойнике небось вы не певали за столом?

КУЗОВКИН (понижив голос). При покойнике... Я тех пор состарится успел...

ТРОПАЧЕВ. Что вы за старик, помилуйте!

КАРПАЧОВ (указывая на Кузовкина). И пел-с и плясал-с.

ТРОПАЧЕВ. Вот как! Э! Да вы, я вижу, молодец! Окажите же дружбу... а? (Елецкому.) C'est un peu vulgaire - ну, да в деревне... (Громко Кузовкину.) Что же вы? Ну-ка? "По улице"... (Начинает напевать: "По улице".) Ну?

КУЗОВКИН. Увольте-с, сделайте милость.

ТРОПАЧЕВ. Экой несговорчивый... Елецкий, прикажите ему вы...

ЕЛЕЦКИЙ (не совсем решительным голосом). Да отчего же вы, Василий Семеныч, не хотите теперь петь?

КУЗОВКИН. Не те лета, Павел Николаич. Увольте.

ТРЕМБИНСКИЙ (прислуживаясь и с улыбкой взглядывая на господ). А, кажется, еще недавно на свадьбе вот их братца (указывая на Иванова) изволили отличиться.

ТРОПАЧЕВ. А, вот видите...

ТРЕМБИНСКИЙ. Присядкой через всю комнату изволили пройти...

ТРОПАЧЕВ. О, в таком случае вам уже никак отказаться нельзя... За что ж вы хотите нас с Павлом Николаичем обидеть?

КУЗОВКИН. То было дело вольное-с.

ТРОПАЧЕВ. А теперь мы вас просим. Вы хоть то в соображение примите, что ваш отказ, пожалуй, неблагодарности приписать можно. А неблагодарность... ай! Какой гнусный порок!

КУЗОВКИН. Да у меня и голоса совсем нету-с. А что насчет благодарности - я по гроб обязанный человек и готов жертвовать.

ТРОПАЧЕВ. Да мы от вас никакой жертвы не требуем... А вот спойте-ка нам песенку. Ну! (Кузовкин молчит.) Да ну же.

КУЗОВКИН (немного помолчав, начинает петь: "По улице", но голос у него на втором слове прерывается). Не могу-с... ей-богу, не могу-с.

ТРОПАЧЕВ. Ну, ну, не робейте.

КУЗОВКИН (взглянув на него). Нет-с -я петь не буду-с.

ТРОПАЧЕВ. Не будете?

КУЗОВКИН. Не могу-с.

ТРОПАЧЕВ. Ну, в таком случае знаете что? Видите вы этот бокал шампанского? Я вам его за галстук вылью.

КУЗОВКИН (с волнением). Вы этого не сделаете-с. Я этого не заслужил-с. Со мной еще никто... Помилуйте-с. Это... стыдно-с.

ЕЛЕЦКИЙ (Тропачеву). Finissez... Видите, он конфузится.

ТРОПАЧЕВ (Кузовкину). Вы не хотите петь?

КУЗОВКИН. Не могу я петь-с.

ТРОПАЧЕВ. Вы не хотите? (Подходя к нему.) Раз...

КУЗОВКИН (умоляющим голосом Елецкому). Павел Николаич...

ТРОПАЧЕВ. Два... (Еще более приближается к Кузовкину.)

КУЗОВКИН (пятясь и тоскливым от отчаянья голосом). Помилуйте-с... за что вы так со мною поступаете? Я вас не имею чести знать-с... Да и я сам все-таки дворянин - извольте сообразить... А петь я не могу... Вы сами изволите видеть-с...

ТРОПАЧЕВ. В последний раз...

КУЗОВКИН. Полноте-с, говорят... Я вам не шут дался...

ТРОПАЧЕВ. Будто вам в диковинку?

КУЗОВКИН (разгорячаясь). Вы извольте себе другого шута сыскать.

ЕЛЕЦКИЙ. В самом деле, оставьте его.

ТРОПАЧЕВ. Да помилуйте, ведь он при вашем тесте играл же роль шута.

КУЗОВКИН. То дело прошлое-с. (Утирает лицо.) Да и голова у меня сегодня что-то не того-с, право-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну, как вам угодно-с.

КУЗОВКИН (тоскливо). Не извольте на меня гневаться, Павел Николаич...

ЕЛЕЦКИЙ. И, полноте! С чего вы это взяли?

КУЗОВКИН. В другой раз, ей-богу, с удовольствием-с. (Стараясь принять веселый вид.) А теперь простите великодушно, коли я в чем провинился... Погорячился, господа, что делать... Стар я стал-с, вот что... Ну, и отвык тоже.

ТРОПАЧЕВ. По крайней мере хоть выпейте этот бокал.

КУЗОВКИН (обрадовавшись). Вот это с удовольствием, с величайшим удовольствием. (Берет бокал и пьет.) За здоровье почтенного и дорогого гостя...

ТРОПАЧЕВ. Ну, а песенку все нельзя?

КУЗОВКИН (вино уже давно его разбирало; но после бокала и миновавшей опасности он вдруг начинает пьянеть). Ей-богу, не могу-с. (Смеется.) Точно, в кои-то веки я певал... и не хуже другого. Да теперь другие времена подошли. Теперь я что? Пустой человек - и только. Вот не хуже его. (Указывает на Иванова и смеется.) Теперь я никуда не гожусь. А впрочем, вы меня извините. Стар я стал - вот что... вот, например, кажется, что я выпил сегодня? Две-три рюмочки всего, а тут (указывая на голову) уж неладно.

ТРОПАЧЕВ (который между тем пошептался с Карпачовым). Это вам так кажется -

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
полноте. (Карпачов уходит, смеясь, и уводит Петра.) А что ж вы нам вашего дела не досказали?

КУЗОВКИН. А точно-с. Точно; не досказал-с. Впрочем, я готов, когда прикажете. (Смеется.) Только будьте ласковы... позвольте присесть. Ножи что-то... того... отказываются.

ТРОПАЧЕВ (подает ему стул). Сделайте одолжение, как бишь вас, садитесь.

КУЗОВКИН (садится лицом к зрителям и говорит вяло и медленно, быстро пьянея). На чем бишь я остановился? Да - Гангинместер. Гангинместер этот немец, известно. Ему что! Служил-служил по провиантской части - знать, наворовал там тьму-тьмушю - ну и говорит теперь - вексель мой. А я дворянин. Да, что бишь я хотел сказать? Ну и говорит: либо заплати - либо во владенье введи... либо заплати - либо во владенье введи... либо заплати - либо во владенье именем введи... либо...

ТРОПАЧЕВ. Вы спите, друг мой, проснитесь.

КУЗОВКИН (вздрагивает и снова погружается в дремотное состояние. Он говорит уже с трудом.) Кто? Я? Помилуйте! С чего вы это... ну, все равно. Я не сплю. Спят ночью - а теперь день. Разве теперь ночь? Я об Гангинместере говорю. Гангинместер этот - Гангинместер... Ган-гинместер - это мой настоящий враг. Мне говорят и то и то: нет, я говорю, Ган-гин-местер. Гангинместер - вот кто мне вредит. (Карпачов входит с огромным колпаком из сахарной бумаги и, перемигиваясь с Тропачевым, крадется сзади к Кузовкину. Трёмбинский давится от смеха. Иванов, бледный, убитый, глядит исподлобья.) И я знаю, за что он меня не любит... Знаю, он мне всю жизнь вредил, этот Гангинместер. С самого моего детства. (Карпачов осторожно надевает колпак на Кузовкина.) Но я ему прощаю... Бог с ним... Бог с ним совсем...

Все хохочут. КУЗОВКИН останавливается и с недоумением глядит кругом. ИВАНОВ подходит к нему, схватывает его за руку и говорит ему сквозь зубы: "Посмотри, что тебе на голову надели... ведь из тебя шута делают..." КУЗОВКИН поднимает руки к голове, ощупывает колпак, медленно опускает руки на лицо, закрывает глаза, вдруг начинает рыдать, бормоча сквозь слезы: "а что, за что, за что...", но не снимает колпака. ТРОПАЧЕВ с ТРЕМБИНСКИМ и КАРПАЧОВЫМ продолжают хохотать. ПЕТР тоже смеется, выглядывая из-за двери.

ЕЛЕЦКИЙ. Полноте, Василий Семеныч, как вам не стыдно из-за такой безделицы плакать?

КУЗОВКИН (отнимая руки от лица). Из-за такой безделицы... Нет, это не безделица, Павел Николаич... (Встает и бросает колпак на пол.) В первый день вашего приезда... в первый день... (Голос его прерывается.) Вот как вы поступаете со стариком... со стариком, Павел Николаич! Вот как! За что, за что вы меня топчете в грязь? Что я вам сделал? Помилуйте! А я вас так ожидал, так радовался... За что, Павел Николаич?

ТРОПАЧЕВ. Ну, полноте... что вы на самом деле?

КУЗОВКИН (бледнея и теряясь). Я не с вами говорю... вам позволили надо мной ломаться... вы и рады. Я с вами говорю, Павел Николаич. Что покойный ваш тесть за даровой кусок хлеба да за старые жалованные сапоги вволю надо мною потешался - так и вам того же надо? Ну да; его подарочки соком из меня вышли, горькими слезинками вышли... Что ж, и вам завидно стало? Эх, Павел Николаич! Стыдно, стыдно, батюшка!.. А еще образованный человек, из Петербурга, из Петербурга...

ЕЛЕЦКИЙ (надменно). Послушайте, однако, вы забываетесь. Подите к себе и выпитесь. Вы пьяны... Вы на ногах не стоите.

КУЗОВКИН (все более и более теряясь). Я выплюсь, Павел Николаич, я выплюсь... Может быть, я пьян, да кто меня поил? Дело не в том, Павел Николаич. А вот вы что заметьте. Вот вы теперь при всех меня на смех подняли, вот вы меня с грязью смешали, в первый же день вашего приезда... а если б я хотел, если б я хотел, если б я сказал слово...

ИВАНОВ (вполголоса). Опомнись, Василий.

КУЗОВКИН. Отстань! Да, милостивый государь, если б я хотел...

ЕЛЕЦКИЙ. Э! Да он совсем пьян! Он сам не знает, что говорит.

КУЗОВКИН. Извините-с. Я пьян – но я знаю, что я говорю. Вот вы теперь – барин важный – петербургский чиновник, образованный, конечно... а я просто шут, дурак, гроша за мной нету медного, я попрошайка, дармоед... а знаете ли вы, кто я? Вот вы женились... На ком вы женились, а?

ЕЛЕЦКИЙ (хочет увести Тропачева). Извините, пожалуйста, я никак не мог ожидать таких глупостей...

ТРОПАЧЕВ. И я, признаюсь, виноват...

ЕЛЕЦКИЙ (Трембинскому). Уведите его, пожалуйста... (Хочет идти в гостиную.)

КУЗОВКИН. Пойдите, милостивый государь... Вы мне еще не сказали, на ком вы женились...

ОЛЬГА показывается в дверях гостиной и с изумлением останавливается. Муж ей делает знаки, чтоб она ушла. Она их не понимает.

ЕЛЕЦКИЙ (Кузовкину). Ступайте, ступайте...

ТРЕМБИНСКИЙ (подходит к Кузовкину и берет его за руку). Пойдемте.

КУЗОВКИН (отталкивая его). Не дергай меня, ты! (Вслед Елецкому.) Вы барин, знатный человек, не правда ли? Вы женились на Ольге Петровне Кориной... Корины – фамилья ведь тоже старинная, столбовая... а знаете ли, кто она, Ольга-то Петровна? Она... она моя дочь!

ОЛЬГА исчезает.

ЕЛЕЦКИЙ (останавливаясь, словно пораженный громом). Вы... Вы с ума сошли...

КУЗОВКИН (помолчав немного и схватив себя за голову). Да, я сошел с ума. (Убегает, спотыкаясь... Иванов за ним.)

ЕЛЕЦКИЙ (обращаясь к Тропачеву). Он помешанный...

ТРОПАЧЕВ. О... о, конечно!

Оба тихо идут в гостиную. ТРЕМБИНСКИЙ и КАРПАЧОВ с изумленьем глядят друг на друга. Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Театр представляет гостиную, богато убранную по-старинному. Направо от зрителя дверь в залу, налево в кабинет Ольги Петровны. ОЛЬГА сидит на диване; подле нее стоит ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (после небольшого молчанья). Так как же матушка, каких девушек изволите к своей особе приказать определить?

ОЛЬГА (с некоторым нетерпеньем). Каких хочешь.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Акулина, косая, у нас хорошая девка; Марфа тоже, Марчукова дочь; прикажете их?

ОЛЬГА. Хорошо. А как зовут эту девушку... вот что собой недурна... платье на ней голубое?..

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (с недоуменьем). Голубое... А да, точно-с! Это вы про Машку-с изволите спрашивать-с. Воля милости вашей, – а только она озорница такая – что и господи! Непокорная вовсе – да и поведенья тоже нехорошего. А впрочем, как вам угодно будет-с.

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

ОЛЬГА. Ее лицо мне понравилось, но если она себя дурно ведет.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Дурно – дурно-с. Не годится она, не стоит вовсе-с. (Помолчав немного.) Ах, матушка вы моя, как вы похорошеть изволили! Как на родительницу вашу похожи стали! Голубушка вы наша... Не нарадуемся мы, глядя на вас... Пожалуйте ручку, матушка...

ОЛЬГА. Ну, хорошо, Прасковья, ступай.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Слушаю-с. А не угодно ли чего?

ОЛЬГА. Нет, мне ничего не нужно.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Слушаю-с. Так я Акулине и Марфе так уж и прикажу-с...

ОЛЬГА. Хорошо, ступай. (Прасковья хочет уйти.) Да вели сказать Павлу Николаичу, что я желаю его видеть...

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Слушаю-с. (Уходит.)

ОЛЬГА (одна). Что это значит? Что мне послышалось вчера?... Я всю ночь заснуть не могла. Старик этот с ума сошел... (Встает и ходит по комнате.) "Она моя..." Да, да, точно эти слова. Да это безумие... (Останавливается.) Поль еще ничего не подозревает... А вот и он.

Входит ЕЛЕЦКИЙ.

ЕЛЕЦКИЙ (подходя к ней с озабоченным видом). Ты желал меня видеть, Оля?

ОЛЬГА. Да... я хотела тебя попросить... В саду подле пруда дорожки совсем поросли травой... Перед домом их вычистили, а там забыли... Прикажи.

ЕЛЕЦКИЙ. Я уже распорядился.

ОЛЬГА. А! Благодарствуй... Да прикажи в городе купить колокольчиков моим коровам на шею...

ЕЛЕЦКИЙ. Все будет исполнено. (Хочет идти.) Больше никаких приказаний нет?

ОЛЬГА. А что... разве у тебя там... дела?..

ЕЛЕЦКИЙ. Счеты из конторы принесли.

ОЛЬГА. А! Ну, в таком случае я тебя не удерживаю... Мы можем перед обедом съездить в рощу...

ЕЛЕЦКИЙ. Конечно... (Опять хочет идти.)

ОЛЬГА (допустив его до двери). Поль...

ЕЛЕЦКИЙ (оборачиваясь). Что?

ОЛЬГА. Скажи, пожалуйста... вчера мне некогда было тебя спросить об этом... что это у вас была за сцена утром за завтраком?

ЕЛЕЦКИЙ. А!.. Ничего. Так. Досадно только, что именно в день нашего приезда вышла такая неприятность. Впрочем, я сам виноват немножко. Этого старика, Кузовкина, вздумали подпоить, – то есть это больше нашему соседу пришло в голову, знаешь, месье Тропачеву... ну, сперва он точно был довольно смешон, болтал, рассказывал, – а после начал шуметь, глупости всякие говорить – но, впрочем, ничего... И говорить об этом не стоит.

ОЛЬГА. А! А мне показалось...

ЕЛЕЦКИЙ. О нет, нет... Вперед, осторожнее надо быть – вот и все. (Подумав немного.) Впрочем... я уже взял свои меры...

ОЛЬГА. Как?

ЕЛЕЦКИЙ. Да. Вот видишь ли, хотя оно и ничего... но все-таки тут люди были, видели... слышали, наконец. Оно неприлично... в порядочном доме... Так уж я и распорядился.

ОЛЬГА. Как же ты распорядился?

ЕЛЕЦКИЙ. Я... вот, видишь ли... Я старику этому объяснил, что ему самому будет неприятно оставаться здесь, у нас в доме, после подобной сцены, как ты сама говоришь... Он тотчас же совершенно со мной согласился хмель-то у него прошел... Конечно, он человек бедный - жить ему нечем... Ну, что ж, ему можно будет в другой какой-нибудь твоей деревне комнатку отвести, жалованье назначить, харчи... Он очень будет доволен... разумеется, ему ни в чем не будут отказывать.

ОЛЬГА. Поль, мне кажется, что за такую безделицу... ты его слишком строго наказываешь.. Он здесь в доме так давно живет... Он привык... он меня с детства знает... право, его, кажется, можно здесь оставить.

ЕЛЕЦКИЙ. Оля... нет... тут есть причины... Конечно, с старика взыскивать строго нельзя... особенно же он был не в своем виде... но все-таки, позволь уж мне на этот счет распорядиться... Я повторяю, на то есть причины... довольно важные.

ОЛЬГА. Как хочешь.

ЕЛЕЦКИЙ. Притом уж он, кажется, уложился совсем.

ОЛЬГА. Но он не уедет, не простясь со мной?

ЕЛЕЦКИЙ. Я думаю, он придет проститься. Впрочем, если тебе, знаешь, эдак неприятно - ты можешь его не принять.

ОЛЬГА. Напротив, я бы желал с ним поговорить...

ЕЛЕЦКИЙ. Как хочешь, Оля... но я бы тебе не советовал... Ты разжалобишься, и потом все-таки старик, ну, с детства тебя знал... А я, признаться, не хотел бы свое решенье переменить...

ОЛЬГА. О нет - не бойся... Только я, право, думаю, что он уедет не простясь... Пошли узнать, пожалуйста, что он, еще не уехал?

ЕЛЕЦКИЙ. Изволь. (Звонит.) Vous etes jolie, comme un anange, aujourd'hui.

ПЕТР (входя). Чего изволите-с?

ЕЛЕЦКИЙ. Поди, любезный мой, узнай там, что господин Кузовкин не уехал еще? (Взглянув на Ольгу.) Так чтоб пришел проститься.

ПЕТР. Слушаю-с. (Уходит.)

ОЛЬГА. Поль... а у меня до тебя есть просьба.

ЕЛЕЦКИЙ (ласково). Скажи, какая...

ОЛЬГА. Послушай... Вот как придет этот... Кузовкин... оставь меня с ним наедине.

ЕЛЕЦКИЙ (помолчав немного, с холодной улыбкой). Да мне кажется... напротив... тебе будет неловок.

ОЛЬГА. Нет, пожалуйста; у меня есть до него дело... Мне нужно спросить его... Да, я желаю с ним поговорить наедине.

ЕЛЕЦКИЙ (посмотрев на нее пристально). Да разве ты что-нибудь... вчера...

ОЛЬГА (глядя на мужа самым невинным образом). Что?

ЕЛЕЦКИЙ (поспешно). Ну, как хочешь, как хочешь... Вот он, кажется, идет.

Входит КУЗОВКИН. Он очень бледен.

ОЛЬГА. Здравствуйте, Василий Петрович... (Кузовкин молча кланяется.)
Здравствуйте. (Елецкому.) Eh bien, mon ami? Je vous en prie.

ЕЛЕЦКИЙ (жене). Oui, oui. (Кузовкину.) Вы уже совсем собрались?

КУЗОВКИН (глухо и с трудом). Совсем собрался-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Ольга Петровна желает с вами поговорить... проститься с вами... Вы, пожалуйста, если что вам нужно... скажите ей... (Ольге.) Au revoir... Ведь ты не долго с ним останешься?

ОЛЬГА. Не знаю... не думаю.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну, хорошо... (Уходит в залу.)

ОЛЬГА (садится на диван и указывает на кресла Кузовкину). Сядьте, Василий Петрович... (Кузовкин кланяется и отказывается.) Сядьте, я прошу вас. (Кузовкин садится, Ольга некоторое время не знает, с чего начать разговор.) Вы, я слышала, уезжаете?

КУЗОВКИН (не поднимая глаз). Точно так-с.

ОЛЬГА. Мне Павел Николаич сказывал... Мне это, поверьте, очень неприятно...

КУЗОВКИН. Не извольте беспокоиться... Много благодарен... я так-с.

ОЛЬГА. Вам... в новом вашем месте жительства будет так же хорошо... даже лучше... будьте спокойны... я прикажу.

КУЗОВКИН. Много благодарен! Я чувствую-с... я не стою-с. Кусок хлеба да угол какой-нибудь-с... больше мне и не следует-с. (После некоторого молчания, поднимается.) А теперь позвольте проститься... Провинился я точно... простите старика.

ОЛЬГА. Что ж вы так спешите... Погодите.

КУЗОВКИН. Как прикажете-с. (Садится опять.)

ОЛЬГА (опять помолчав немного). Послушайте, Василий Петрович... скажите мне откровенно, что такое с вами вчера поутру случилось?

КУЗОВКИН. Виноват-с, Ольга Петровна, кругом виноват.

ОЛЬГА. Однако как же это вы...

КУЗОВКИН. Не извольте меня расспрашивать, Ольга Петровна... Не стоит-с. Виноват-с кругом - и только. Павел Николаич совершенно правы-с. Меня бы еще не так следовало наказать... Век за них буду бога молить-с.

ОЛЬГА. Я, признаюсь, со своей стороны, такой большой вины не вижу... Вы уже не молоды... вероятно, от вина отвыкли - ну, пошумели немного...

КУЗОВКИН. Нет-с, Ольга Петровна, не извольте меня оправдывать-с. Покорно вас благодарю - а только я чувствую свою вину.

ОЛЬГА. Или вы, может быть, сказали что-нибудь обидное для моего мужа и для господина Тропачева?..

КУЗОВКИН (опуская голову). Виноват-с.

ОЛЬГА (не без волнения). Послушайте, Василий Петрович, хорошо ли вы помните все ваши слова?

КУЗОВКИН (вздрагивает, глядит на Ольгу и медленно произносит). Не знаю-с... какие слова...

ОЛЬГА. Вы говорят, что-то сказали...

КУЗОВКИН (поспешно). Соврал-с, Ольга Петровна, непременно соврал-с. Что пришло на язык, то и сказал. Виноват-с. Не в своем уме находился.

ОЛЬГА. Однако... с чего бы, кажется, пришло вам в голову...

КУЗОВКИН. А бог знает, с чего. Сумасшествие просто. Я, признаюсь, от вина уже отвык совершенно. Ну выпил – ну и пошел. Бог знает что наболтал-с. Оно бывает-с. А я все-таки виноват кругом – и наказан поделом. (Хочет подняться.) Позвольте проститься, Ольга Петровна... Не извольте поминать лихом.

ОЛЬГА. Я вижу, вы не хотите со мной говорить откровенно. Вы меня не бойтесь... Ведь я не то, что Павел Николаич... Ну, его вы можете бояться, положим... Вы его не знаете... он с виду кажется таким строгим. А меня-то зачем вы боитесь... Ведь вы меня ребенком знали.

КУЗОВКИН. Ольга Петровна, сердце у вас ангельское... Пощадите бедного старика.

ОЛЬГА. Помилуйте! Я, напротив, желала бы...

КУЗОВКИН. Не напоминайте мне про вашу молодость... уж и так мне на душе горько... ох, горько! Под старость лет из вашего дома выезжать приходится – и по своей вине...

ОЛЬГА. Послушайте, Василий Петрович, есть еще средство помочь вашему горю... будьте только со мной откровенны... послушайте... я... (Вдруг встает и отходит немного в сторону.)

КУЗОВКИН (глядя ей вслед). Не извольте беспокоиться, Ольга Петровна, право, не стоит-с. Я и там об вас буду бога молить. А вы иногда вспомните обо мне – скажите: вот старик Кузовкин Василий преданный мне был человек...

ОЛЬГА (снова обращаясь к Кузовкину). Василий Петрович, точно вы мне преданный человек, точно вы меня любите?

КУЗОВКИН. Матушка вы моя, прикажите мне умереть за вас.

ОЛЬГА. Нет, я не требую вашей смерти, я хочу правды, я хочу знать правду.

КУЗОВКИН. Слушаю-с.

ОЛЬГА. Я... я слышала ваше последнее восклицанье.

КУЗОВКИН (едва выговаривая слова). Какое... восклицанье?..

ОЛЬГА. Я слышала... что вы сказали обо мне. (Кузовкин поднимается с кресел и падает на колена.) Что ж это, правда?

КУЗОВКИН (заикаясь). Помилуйте, простите великодушно... Сумасшествие я уже вам докладывал... (Голос у него прерывается.)

ОЛЬГА. Нет – вы не хотите сказать мне правду.

КУЗОВКИН. Сумасшествие, Ольга Петровна, простите...

ОЛЬГА (схватывая его за руку). Нет, нет... ради бога... заклинаю вас самим богом... умоляю вас, скажите мне, что это – правда? Правда? (Молчание.) За что ж вы меня мучите?

КУЗОВКИН. Так вы хотите знать правду?

ОЛЬГА. Да. Говорите же – правда это?

КУЗОВКИН поднимает глаза, глядит на Ольгу... Черты лица его выражают мучительную борьбу. Он вдруг опускает голову и шепчет: "Правда". – ОЛЬГА быстро отступает от него и остается неподвижной... КУЗОВКИН закрывает лицо руками. Дверь из залы растворяется – и входит ЕЛЕЦКИЙ. Он сперва не замечает КУЗОВКИНА, который все на коленях, – и подходит к жене.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну, что ж – ты кончила? (Останавливается с изумленьем.) A voilà, je vous ai dit... Вот он прощенья стал просить...

ОЛЬГА. Поль, оставь нас одних...

ЕЛЕЦКИЙ (с недоуменьем). Mais, ma chère...

ОЛЬГА. Прошу тебя, умоляю тебя, оставь нас...

ЕЛЕЦКИЙ (помолчав немного). Изволь... только, я надеюсь, что ты объяснишь мне эту загадку...

ОЛЬГА кивает головой утвердительно, ЕЛЕЦКИЙ медленно выходит.

ОЛЬГА (быстро идет к двери залы, запирает ее на ключ и возвращается к Кузовкину, который все еще не поднимается). Встаньте... встаньте, говорю вам.

КУЗОВКИН (тихо поднимается). Ольга Петровна... (Он, видимо, не знает, что сказать.)

ОЛЬГА (указывая ему на диван). Сядьте здесь. (Кузовкин садится. Ольга останавливается в некотором расстоянии и стоит к нему боком.) Василий Петрович... вы понимаете мое положенье.

КУЗОВКИН (слабо). Ольга Петровна, я вижу... Я точно в уме повредился... Извольте меня отпустить, а то я еще бед наделаю... Я сам не знаю, что говорю.

ОЛЬГА (дыша с трудом). Нет, полноте, Василий Петрович. Теперь дело сделано. Теперь вы отказаться от ваших слов не можете... Вы должны мне все сказать... всю правду... теперь.

КУЗОВКИН. Да ведь я...

ОЛЬГА (быстро). Я говорю вам, поймите же, наконец, и мое положенье и ваше... Или вы оклеветали мою мать... в таком случае извольте выйти и не показывайтесь мне на глаза... (Она протягивает руку к двери... Кузовкин хочет подняться и опускается снова.) А! Вот вы остаетесь – вы видите, что вы остаетесь...

КУЗОВКИН (тоскливо). О, господи боже мой!

ОЛЬГА. Я хочу все знать... Вы должны мне все сказать... слышите?

КУЗОВКИН (с отчаянием). Ну да... да... Вы все узнаете... коли уж такая стряслась надо мною беда... Только, Ольга Петровна, не извольте так глядеть на меня... а то я... я, право, не могу...

ОЛЬГА (стараясь улыбнуться). Василий Петрович, я...

КУЗОВКИН (робко). Меня... меня Василием Семенычем зовут, Ольга Петровна... (Ольга краснеет и едва пожимает плечами. Она все стоит в некотором расстоянии от Кузовкина.) Да-с... ну, с чего же... прикажете мне начать-с...

ОЛЬГА (краснея, с замешательством). Василий Семеныч, как вы хотите... чтоб я...

КУЗОВКИН (готовый заплакать). Да я не могу говорить, когда вы так...

ОЛЬГА (протягивая ему руку). Успокойтесь... говорите... Вы видите, в каком я состоянии... Принудьте себя.

КУЗОВКИН. Слушаю, матушка, Ольга Петровна. Ну-с, позвольте-с, с чего же я начну? О господи!.. Ну, да-с. Так вот-с. Я вам, если позволите, сперва так немножко расскажу... Да-с. Сейчас, сейчас... Лет мне эдак было двадцать с небольшим... А родился я, можно сказать, в бедности, – а потом и последнего куска хлеба лишился – и совершенно, можно сказать, несправедливо... а впрочем, воспитанья, конечно, не получил никакого... Батюшка ваш покойный (Ольга вздрагивает), царство ему небесное!.. надо мною сжалиться изволил – а то бы совсем пропал. Точно; живи, дескать, у меня в доме, пока-де место тебе сыщу. Вот я у вашего батюшки и

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

поселился. Ну, конечно, места на службе сыскать не легко – вот я так и остался. А батюшка ваш в ту пору еще в холостом состоянии проживал – а там, годика эдак через два, стал за вашу матушку свататься – ну и женился. Ну, вот и начал он жить с вашей матушкой... да двух сыночков с нею прижил – да только они оба скоро померли. И скажу я вам, Ольга Петровна, был ваш покойный батюшка крутой человек, такой крутой, что и прости господи!.. на руку тоже маленечко дерзок – и когда, бывало, осерчают, самих себя не помнят. Выпить тоже любил. А впрочем, хороший был человек – с и мой благодетель. Ну – с, вот сначала жил он, батюшка – то ваш, с покойницей матушкой вашей в больших ладах... Только недолго. Матушка ваша – царство ей небесное!.. была, можно сказать, ангел во плоти – и собой красавица... Да что – с! Судьба – с! Соседка у нас в ту пору завелась... Ваш батюшка возьми да к ней и привяжись... Ольга Петровна, простите меня великодушно, коли я...

ОЛЬГА. Продолжайте.

КУЗОВКИН. Вы же сами изволили требовать. (Проводит рукой по лицу.) О, господи боже мой, помоги мне грешному! Вот ваш батюшка и привязался к той соседке, что ей пусто было и на том свете! Стал к ней кажинный божий день ездить, часто даже на ночь домой не приезжал. Худо пошли дела. Матушка ваша, бывало, по целым дням сидит одинешенька, молчит; а то и всплывает... Я, разумеется, тут же сижу, сердце во мне так и надрывается, а рта разинуть не смею. На что ей, думаю, мои глупые речи! Другие соседи, помещики, к вашему батюшке тоже неохотно езжали, отбил он их от дому своим, можно сказать, высокомерьем; так вот, вашей матушке, бывало, не с кем словечка было перемолвить... Сидит, бывало, сердечная, у окна, даже книжки не читает – сидит да поглядывает на дорогу, в поле – с. А у батюшки – то у вашего между тем бог весть отчего, – кажется, никто ему не прекословил, – ндрав еще более попортился. Грозный стал такой, что беда! И вот что опять удивительно: вздумал он вашу матушку ревновать, а к кому тут было ревновать, господи боже мой! Сам, бывало, уедет, а ее запрет, ей – богу! От всякой безделицы в гнев приходил. И чем ваша матушка более перед ним смирялась, тем пуще он злился. Наконец, совсем перестал с ней разговаривать, вовсе ее бросил. Ах, Ольга Петровна! Ольга Петровна! Натерпелась она в ту пору горя, ваша – то матушка! Вы ее не можете помнить, Ольга Петровна, млады вы были слишком, голубушка вы моя, когда она скончалась. Такой души добрейшей, чай, теперь уж и нет на земле. Уж как же она и любила вашего батюшку! Он на нее и не глядит, бывало, а она – то без него со мной все о нем да о нем разговаривает, как бы помочь? Как бы угодить? Вдруг в один день собрался ваш батюшка. Куда? – В Москву, говорит, один еду, по делам, – а какое один: на первой же поставе соседка его ждала. Вот и уехали они вместе и целых шесть месяцев пропадали, – шесть месяцев, Ольга Петровна! И письма ни одного домой не писал во все время! Вдруг приезжает, да такой сумрачный, сердитый... Соседка – то его бросила, как мы потом узнали. Заперся у себя в комнате, да и не показывает. Даже люди все в удивление пришли. Не вытерпела, наконец, покойница... перекрестилась бояться она его стала, бедняжка! – да и вошла к нему. Начала его уговаривать, а он как вдруг закричит на нее да, взявши палку... (Кузовкин взглядывает на Ольгу.) Виноват, Ольга Петровна.

ОЛЬГА. Правду вы говорите, Василий Семеныч?

КУЗОВКИН. Убей меня бог на самом этом месте.

ОЛЬГА. Продолжайте.

КУЗОВКИН. Вот он и... да – с. Ах, Ольга Петровна, смертельно оскорбил он вашу матушку и словами и... и прочим – с... Покойница словно полуумная на свою половину прибежала, а он крикнул людей да в отъезжее поле... Тут вот... тут... случилось... дело... (Голос его слабеет.) Не могу, Ольга Петровна, ей – богу не могу.

ОЛЬГА (не глядя на него). Говорите. (После небольшого молчания, с нетерпением.) Говорите.

КУЗОВКИН. Слушаю, Ольга Петровна. Должно полагать – с, что у вашей матушки, у покойницы, от такой обиды кровной на ту пору ум помешался... болезнь приключилась... Как теперь ее вижу... Вошла в образную, постояла перед иконами, подняла было руку для крестного знамения да вдруг отвернулась и вышла... даже засмеялась потихоньку... Осилит – таки и ее лукавый. Жутко мне стало, глядя на нее. За столом ничего не изволила кушать, все изволила молчать и на меня

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

смотрела пристально... а вечером-с... По вечерам я, Ольга Петровна, один с ней сиживал – вот именно в этой комнате – знаете, эдак в карты иногда, от скуки, а иногда так, разговор небольшой... Ну-с, вот-с, в тот вечер... (Он начинает задыхаться.) Ваша матушка покойница, долго-долго помолчавши, эдак обратилась вдруг ко мне... А я, Ольга Петровна, на вашу матушку только что не молился, и любил же я ее, вашу матушку... вот она и говорит мне вдруг: "Василий Семеныч, ты, я знаю, меня любишь, а он вот меня презирает, он меня бросил, он меня оскорбил... Ну так и я же..." Знать, рассудок у ней от обиды помутился, Ольга Петровна, потерялась она вовсе... А я-то, а я... я ничего не понимаю-с, голова тоже эдак кругом... вот, даже вспомнить жутко, она вдруг мне в тот вечер... Матушка, Ольга Петровна, пощадите старика... Не могу... Скорей язык отсохнет! (Ольга молчит и отворачивается; Кузовкин глядит на нее и с живостью продолжает.) На другой же день, вообразите, Ольга Петровна, меня дома не было – помнится, я на заре в лес убежал, – на другой же день вдруг скачет доезжачий на двор... Что такое? Барин упал с лошади, убился насмерть, лежит без памяти... На другой же день, Ольга Петровна, на другой день!.. Ваша матушка тотчас карету – да к нему... А лежал он в степной деревушке, у священника, за сорок верст... Как ни спешила, сердечная, а в живых уже его не застала... Господи боже мой! Мы думали все, что она с ума сойдет... До самого вашего рождения все хворала – да и потом не справилась... Вы сами знаете... недолго пожила она на свете... (Он опускает голову.)

ОЛЬГА (после долгого молчания). Стало быть... я ваша дочь... Но какие доказательства?..

КУЗОВКИН (с живостью). Доказательства? Помилуйте, Ольга Петровна, какие доказательства? У меня нет никаких доказательств? Да как бы я смел? Да если б не вчерашнее несчастье, да я бы, кажется, на смертном одре не проговорился, скорей бы язык себе вырвал! И как это я не умер вчера! Помилуйте! Ни одна душа до вчерашнего дня, Ольга Петровна, помилуйте... Я сам, наедине будучи, об этом думать не смел. После смерти вашего... батюшки... я было хотел бежать куда глаза глядят... виноват – не хватило силы – бедности испугался, нужды кровной. Остался, виноват... Но при вашей матушке, при покойнице, я не только говорить или что, едва дышать мог, Ольга Петровна. Доказательства! В первые-то месяцы я вашей матушки и не видал вовсе – оне к себе в комнату заперлись и, кроме Прасковьи Ивановны, горничной, никого до своей особы не допускали... а потом... потом я ее точно видал, но, вот как перед господом говорю, в лицо ей глядеть боялся... Доказательства! Да помилуйте, Ольга Петровна, ведь я все-таки не злодей какой-нибудь и не дурак – свое место знаю. Да если б не вы сами мне приказали... не смущайтесь, Ольга Петровна, помилуйте... О чем вы беспокоиться изволите? Какие тут доказательства! Да вы не верьте мне, старому дураку... соврал – вот и все... Я ведь точно иногда не знаю сам, что говорю... Из ума выжил... Не верьте, Ольга Петровна, вот и все. Какие доказательства!

ОЛЬГА. Нет, Василий Семеныч, я с вами лукавить не стану... Вы не могли... выдумать такую... Клеветать на мертвых – нет, это слишком страшно... (Отворачивается.) Нет, я вам верю...

КУЗОВКИН (слабым голосом). Вы мне верите...

ОЛЬГА. Да... (Взглянув на него и содрогаясь.) Но это ужасно, это ужасно!.. (Быстро отходит в сторону.)

КУЗОВКИН (протягивая ей вслед руки). Ольга Петровна, не беспокойтесь... Я вас понимаю... Вам, с вашим образованием... а я, если б опять-таки не для вас, я бы сказал, что я такое... но я себя знаю хорошо... Помилуйте, или вы думаете, что я не чувствую всего... Ведь я вас люблю, как родную... Ведь, наконец, вы все-таки... (Быстро поднимается.) Не бойтесь, не бойтесь, у меня это слово не сойдет с языка... Позабудьте весь наш разговор, а я уеду сегодня, сейчас... Ведь мне теперь уже нельзя здесь оставаться, никак нельзя... Что ж, я и там за вас (у него навертываются слезы)... и везде за вас и за вашего супруга... а я, конечно, сам виноват лишился, можно сказать, последнего счастья... (Плачет.)

ОЛЬГА (в невыразимом волнении). Да что же это такое? Ведь он все-таки мой отец... (Оборачивается и видя, что он плачет.) Он плачет... не плачьте же, полноте... (Она подходит к нему.)

КУЗОВКИН (протягивая ей руку). Прощайте, Ольга Петровна...

ОЛЬГА тоже нерешительно протягивает ему руку – хочет принудить себя броситься ему на шею, но тотчас же с содроганьем отворачивается и убегает в кабинет. КУЗОВКИН остается на том же месте.

КУЗОВКИН (хватаясь за сердце). Боже мой, господи боже мой, что со мною делается?

ГОЛОС ЕЛЕЦКОГО (за дверью). Ты заперлась, Оля!.. Оля!..

КУЗОВКИН (приходит в себя). Кто это?.. Он... Да... Что бишь?..

ГОЛОС ЕЛЕЦКОГО. К нам господин Тропачев приехал. Je vous l'annonce... Оля, отвечай же мне... Василий Семенович, тут вы, что ли?

КУЗОВКИН. Точно так-с.

ГОЛОС ЕЛЕЦКОГО. А Ольга Петровна где?

КУЗОВКИН. Изволили выйти-с.

ГОЛОС ЕЛЕЦКОГО. А! Отприте же мне.

КУЗОВКИН отпирает, входит ЕЛЕЦКИЙ.

ЕЛЕЦКИЙ (оглядываясь, про себя). Все это очень странно. (Кузовкину холодно и строго.) Вы уходите?

КУЗОВКИН. Точно так-с.

ЕЛЕЦКИЙ. А! Ну так чем же у вас разговор кончился?

КУЗОВКИН. Разговор... разговора собственно не было-с, а я у Ольги Петровны милостивого прощенья попросил.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну, и она?

КУЗОВКИН. Она изволили сказать, что более не гnevаются... а я вот теперь ехать собираюсь.

ЕЛЕЦКИЙ. Ольга Петровна, следовательно, не переменяла моего решения?

КУЗОВКИН. Никак нет-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Гм... Мне очень жаль... но вы понимаете сами, Василий Семеныч, что-о-о...

КУЗОВКИН. Как же-с, Павел Николаич, совершенно с вами согласен. Еще милостиво поступить со мной изволили. Покорнейше вас благодарю.

ЕЛЕЦКИЙ. Мне приятно видеть, что вы по крайней мере чувствуете свою вину. И так – прощайте... Если что нужно будет, пожалуйста, не церемоньтесь... Я хотя и отдал старосте приказ – но вы можете во всякое время обратиться прямо ко мне...

КУЗОВКИН. Покорно благодарю-с. (Кланяется.)

ЕЛЕЦКИЙ. Прощайте, Василий Семеныч. А впрочем, погодите немного... Э-э-э-э... господин Тропачев к нам приехал – так вот он сейчас сюда войдет... я бы желал, чтобы вы при нем то же самое повторили – вот то, что вы мне сегодня поутру сказали...

КУЗОВКИН. Слушаю-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Хорошо. (К входящему Тропачеву.) Mais venez donc – venez donc! (Тропачев подходит, рисуясь по обыкновению.) Ну, что, кто выиграл?

ТРОПАЧЕВ. Разумеется, я. А ваш бильярд удивительно хорош. Только представьте, господин Иванов отказался играть со мной! Говорит: у меня голова болит. Господин Иванов... и болит голова!! А? Et madame? Надеюсь, она здорова?

ЕЛЕЦКИЙ. Слава богу, – она сейчас придет.

ТРОПАЧЕВ (с любезной фамильярностью). А ведь послушайте, ваш приезд ведь это совершенное счастье для нашего брата степняка – хе-хе – une bonne fortune... (Оглядывается и замечает Кузовкина.) А, боже мой, – и вы тут?

КУЗОВКИН молча кланяется.

ЕЛЕЦКИЙ (громко Тропачеву, указывая подбородком на Кузовкину). Да... он сегодня ужасно сконфужен – вы понимаете – после вчерашней глупости – с самого вот утра у нас у всех прощенья просит.

ТРОПАЧЕВ. А! Видно, вино не свой брат?... Что скажете? То-то.

КУЗОВКИН (не поднимая глаз). Виноват-с, совершенное безумие, можно сказать, нашло-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну хорошо. (Входит из кабинета Прасковья Ивановна.) Чего тебе?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА (с поклоном Елецкому). Барыня вас к себе просят-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Зачем?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Не могу знать-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Скажи, что сейчас приду. (Тропачеву.) Вы позволите?

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА уходит.

ТРОПАЧЕВ (качая головой). Э-эх, Павел Николаич, как вам не стыдно спрашивать... Ступайте, ради бога...

ЕЛЕЦКИЙ. Мы вас недолго заставим ждать.

Уходит. КУЗОВКИН, все время стоящий недалеко от двери залы, хочет воспользоваться этим мгновением и уйти.

ТРОПАЧЕВ (Кузовкину). Куда же вы, любезный, куда? Останьтесь, поболтаемте.

КУЗОВКИН. Мне нужно-с...

ТРОПАЧЕВ. Э, полноте, какая вам там нужда? Вы, может быть, стыдитесь... Что за пустяки! С кем этого не случается? (Берет его под руку и ведет в авансцену.) То есть постойте – я хочу сказать – с кем не случается выпить... а признаюсь, вы удивили нас вчера! Какое родство сыскал – а? Экая фантазия, подумаешь!

КУЗОВКИН. Больше по глупости-с.

ТРОПАЧЕВ. Оно та-ак, а все-таки удивительно. Почему именно: дочь? Чудеса! А ведь, признайтесь, вы бы от такой дочери не отказались? А? (Толкает его под бок.) Нет – говорите – а? (Карпачову.) У него губа не дура – а? Как ты думаешь?

КАРПАЧОВ смеется.

КУЗОВКИН (хочет отнять свою руку у Тропачева). Позвольте-с...

ТРОПАЧЕВ. А за что вы вчера так на нас рассердились... а? Нет, скажите.

КУЗОВКИН (отворачивая голову, вполголоса). Виноват-с.

ТРОПАЧЕВ. То-то же. Ну, бог вас простит... Так дочь? (Кузовкин молчит.) Послушайте, голубчик мой, что вы ко мне никогда не заедете? Я б вас угостил.

КУЗОВКИН. Покорнейше благодарю-с.

ТРОПАЧЕВ. А у меня хорошо, вот спросите хоть у этого. (Указывает на Карпачова.) Вы бы мне опять про Ветрово рассказали.

КУЗОВКИН (глухо). Слушаю-с.

ТРОПАЧЕВ. А вы сегодня, кажется, с Карпачовым не поздоровались? (Карпачову.) Карпаче, ты с Васильем Семенычем по-вчерашнему не здоровался?

КАРПАЧОВ. Никак нет-с.

ТРОПАЧЕВ. Э, брат, это нехорошо.

КАРПАЧОВ. Да я, позвольте, вот сейчас...

Идет с распростертыми объятиями к Кузовкину. Кузовкин пятиться. Дверь из кабинета быстро растворяется – и входит ЕЛЕЦКИЙ. Он бледен и взволнован.

ЕЛЕЦКИЙ (с досадой). А я, кажется, вас просил, Флегонт Александрыч, оставить господина Кузовкина в покое...

ТРОПАЧЕВ с изумленьем оборачивается и глядит на Елецкого. КАРПАЧОВ остается неподвижным.

ТРОПАЧЕВ (не без смущенья). Вы, мне-е... Я не помню...

ЕЛЕЦКИЙ (продолжает сухо и резко). Да-с, Флегонт Александрыч, я, признаюсь, удивляюсь, что вам за охота, с вашим воспитаньем... с вашим образованием... заниматься такими, смею сказать... пустыми шутками... да еще два дня сряду...

ТРОПАЧЕВ (делая рукой знак Карпачову, который тотчас отскакивает и вытягивается). Однако позвольте, Павел Николаич... Я, конечно... Впрочем, я точно с вами согласен... хотя, с другой стороны... А что, ваша супруга здорова?

ЕЛЕЦКИЙ. Да... она скоро придет... (Улыбаясь и пожимая руку Тропачеву.) Вы меня, пожалуйста, извините... Я сегодня что-то не в духе.

ТРОПАЧЕВ. О, полноте, Павел Николаич, что за беда... Притом вы правы... с этим народом фамильярность никуда не годится... (Елецкого слегка передергивает.) Какая сегодня славная погода! (Минутное молчание.) А ведь точно вы правы... в деревне долго жить – беда! On se rouille a la campagne... Ужасно... Скучно, знаете... Где тут разбираться...

ЕЛЕЦКИЙ. Пожалуйста, не вспоминайте об этом больше, Флегонт Александрыч, сделайте одолжение...

ТРОПАЧЕВ. Нет, нет, я так; я вообще; общее, знаете, замечанье. (Опять маленькое молчанье.) Я вам, кажется, не сказывал... Я будущей зимой уезжаю за границу.

ЕЛЕЦКИЙ. А! (Кузовкину, который опять хочет уйти.) Оставайтесь, Василий Семеныч... Мне нужно с вами поговорить.

ТРОПАЧЕВ. Я думаю, года эдак два за границей остаться... А что мадам? Будем ли мы иметь удовольствие ее видеть сегодня?

ЕЛЕЦКИЙ. Как же. Да не хотите ли пока пройтись по саду? Видите, какое время? Un petit tour? Только позвольте мне не сопровождать вас. Мне нужно переговорить с Васильем Семенычем... Впрочем, я через несколько минут...

ТРОПАЧЕВ. Будьте как дома, хе-хе, милый мой Павел Николаич! Делайте ваше дело не спеша – а мы пока вот с этим смертным будем наслаждаться красотами природы... Природа – смерть моя! Вене еси, Карпаче! (Уходит с Карпачовым.)

ЕЛЕЦКИЙ (идет за ним вслед, запирает дверь, возвращается к Кузовкину и скрещивает руки). Милостивый государь! Вчера я видел в вас вздорного и нетрезвого человека; сегодня я должен считать вас за клеветника и за интригана... Не извольте перебивать меня!.. за интригана и за клеветника. Ольга Петровна мне все сказала. Вы, может быть, этого не ожидали, милостивый государь? Каким образом вы лично сознаетесь мне, что сказанное вами вчера – совершенная и чистая выдумка... А сейчас, в разговоре с моей женой...

КУЗОВКИН. Я виноват... Сердце у меня...

ЕЛЕЦКИЙ. Мне до вашего сердца дела нет – а я снова спрашиваю вас: ведь вы солгали? (Кузовкин молчит.) Солгали?

КУЗОВКИН. Я уже вам докладывал, что я вчера сам не знал, что говорил.

ЕЛЕЦКИЙ. А сегодня вы знали, что говорили. И после этого вы имеет еще столько духа, что смотрите порядочному человеку в глаза? И стыд вас еще не уничтожил?

КУЗОВКИН. Павел Николаич, вы, ей-богу, слишком со мною строги. Извольте милостиво сообразить, какую пользу мог бы я извлечь из моего разговора с Ольгой Петровной?

ЕЛЕЦКИЙ. Я вам скажу, какую пользу. Вы надеялись этой нелепой басней возбудить ее сожаление. Вы рассчитывали на ее великодушие... денег вам хотелось, денег... Да, да, денег. И я должен вам сказать, что вы достигли вашей цели. Слушайте же: мы с женой положили выдать вам нужную сумму для обеспечения вашего существования, с тем, однако...

КУЗОВКИН. Да я ничего не хочу!

ЕЛЕЦКИЙ. Не прерывайте меня, милостивый государь!.. С тем, однако, чтобы вы избрали место жительства подалеже отсюда. А я, со своей стороны, прибавлю следующее: принимая от нас эту сумму, вы тем самым сознаетесь в вашей лжи... Вас это слово, я вижу, корбит --в вашей выдумке, – и, следовательно, отказываетесь от всякого права...

КУЗОВКИН. Да я от вас копейки не возьму!

ЕЛЕЦКИЙ. Как, сударь? Стало быть, вы упорствуете? Стало быть, я должен думать, что вы сказали правду? Извольте объясниться, наконец!

КУЗОВКИН. Ничего я не могу сказать. Думайте обо мне, что хотите – а только я ничего не возьму.

ЕЛЕЦКИЙ. Однако это ни на что не похоже! Вы, пожалуй, еще останетесь здесь!

КУЗОВКИН. Сегодня же меня здесь не будет.

ЕЛЕЦКИЙ. Вы уедете! Но в каком положении оставите вы Ольгу Петровну? Вы бы хоть это сообразили, если в вас еще осталось на каплю чувства.

КУЗОВКИН. Отпустите меня, Павел Николаич. Ей-богу, у меня голова кругом идет. Что вы от меня хотите?

ЕЛЕЦКИЙ. Я хочу знать, берете ли вы эти деньги. Вы, может быть, думаете, что сумма незначительная? Мы вам десять тысяч рублей даем.

КУЗОВКИН. Не могу я ничего взять.

ЕЛЕЦКИЙ. Не можете? Стало быть, жена моя ваша... Язык не поворачивается выговорить это слово!

КУЗОВКИН. Я ничего не знаю... Отпустите меня. (Хочет уйти.)

ЕЛЕЦКИЙ. Это слишком! Да знаешь ли ты, что я могу принудить тебя повиноваться!

КУЗОВКИН. А каким это образом, смею спросить?

ЕЛЕЦКИЙ. Не выводите меня из терпения!.. Не заставляйте меня напомнить вам, кто вы такой!

КУЗОВКИН. Я столбовой дворянин... Вот кто я-с!

ЕЛЕЦКИЙ. Хорош дворянин, нечего сказать!

КУЗОВКИН. Каков ни на есть – а купить его нельзя-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Слушайте...

КУЗОВКИН. Это вы в Петербурге с вашими подчиненными извольте так обращаться.

ЕЛЕЦКИЙ. Слушайте, упрямый старик. Ведь вы не желаете оскорбить вашу благодетельницу? Вы уже сознались раз в несправедливости ваших слов; что же вам стоит успокоить Ольгу Петровну окончательно – и взять деньги, которые мы вам предлагаем? Или вы так богаты, что вам десять тысяч рублей нипочем?

КУЗОВКИН. Не богат я, Павел Николаич; да подарочек-то ваш больно горек. Уж и так я вдоволь стыда наглотался... да-с. Вы вот изволите говорить, что мне денег надо; не надо мне денег-с. Рубля на дорогу от вас не возьму-с.

ЕЛЕЦКИЙ. О, я понимаю ваш расчет! Вы притворяетесь бескорыстным; вы надеетесь эдак больше выиграть. В последний раз говорю вам: либо вы возьмете деньги на тех условиях, которые я изложил вам, либо я прибегну к таким мерам... к таким мерам...

КУЗОВКИН. Да что вы хотите от меня, господи! Мало вам того, что я уезжаю; вы хотите, чтоб я замарался, вы хотите купить меня... Так нет же, Павел Николаич, этого не будет!

ЕЛЕЦКИЙ. О, черт возьми! Я тебя... (В это мгновение раздается под окном в саду голос Тропачева; он напевает: "Я здесь, Инезилья, я здесь под окном".) Это невыносимо! (Подходя к окну.) Я сейчас... сейчас... (Кузовкину.) Даю вам четверть часа на размышление... а там уж не пеняйте! (Уходит.)

КУЗОВКИН (один). Что это со мною делают, господи! Да этак лучше прямо в гроб живому лечь! Погубил я себя! Язык мой – враг мой. Этот барин... Ведь он со мной, как с собакой, говорил, ей-богу!.. Словно во мне и души-то нет!.. Ну, хоть убей он меня... (Из кабинета выходит Ольга; у ней в руках бумага. Кузовкин оглядывается.) Господи...

ОЛЬГА (нерешительно подходя к Кузовкину). Я желала видеть вас еще раз, Василий Семеныч...

КУЗОВКИН (не глядя на нее). Ольга Петровна... зачем... вы вашему супругу... все изволили сообщить...

ОЛЬГА. Я никогда ничего не скрывала от него, Василий Семеныч...

КУЗОВКИН. Так-с...

ОЛЬГА (поспешно). Он поверил мне... (Понизив голос.) И согласен на все.

КУЗОВКИН. Согласен-с? На что согласен-с?

ОЛЬГА. Василий Семеныч, вы добрый... вы благородный человек... Вы меня поймете. Скажите сами, можете ли вы здесь остаться?

КУЗОВКИН. Не могу-с.

ОЛЬГА. Нет, послушайте... Я хочу знать ваше мнение... Я успела оценить вас, Василий Семеныч... Говорите же, говорите откровенно...

КУЗОВКИН. Я чувствую вашу ласку, Ольга Петровна, я, поверьте, тоже умею ценить... (Он останавливается и продолжает со вздохом.) Нет, не могу я остаться, – никак не могу. Да и что греха таить? – теперь я, конечно, остепенился – ну и хозяина тоже давно в доме не было... некому было эдак, знаете... Да ведь старики-то живы; они ведь не забыли... ведь я точно у покойника в шумах состоял... Из-под палки, бывало, паясничал, – а иногда и сам... (Ольга отворачивается.) Не огорчайтесь, Ольга Петровна... Ведь, наконец, я... я вам все-таки чужой человек... Ведь, наконец, я... я вам все-таки чужой человек... остаться я не могу.

ОЛЬГА. В таком случае... возьмите... это... (Протягивает ему бумагу.)

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
КУЗОВКИН (принимает ее с недоумением). Что это-с?

ОЛЬГА. Это... мы вам назначаем... сумму... для выкупа вашего Ветрова... Я надеюсь, что вы нам... что вы мне не откажете...

КУЗОВКИН (роняет бумагу и закрывает лицо руками). Ольга Петровна, за что же и вы, и вы меня обижаете?

ОЛЬГА. Как?

КУЗОВКИН. Вы от меня откупиться хотите. Да я ж вам сказывал, что доказательств у меня нет никаких... Почему вы знаете, что я это все не выдумал, что у меня нет никаких... Почему вы знаете, что я это все не выдумал, что у меня не было, наконец, намеренья...

ОЛЬГА (с живостью его перебивая). Если б я вам не верила, разве мы бы согласились...

КУЗОВКИН. Вы мне верите – чего же мне больше, – на что мне эта бумага? Я сызмала себя не баловал... не начинать же мне под старость...Что мне нужно? Хлеба ломоть – вот и все. Коли вы мне верите... (Останавливается.)

ОЛЬГА. Да... да... я вам верю. Нет, вы меня не обманываете – нет... Я вам верю, верю... (Вдруг обнимает его и прижимается к его груди головой.)

КУЗОВКИН. Матушка, Ольга Петровна, пол... полноте... Ольга... (держит его одной рукою, другой быстро поднимает бумагу с земли и жметя к нему). Вы могли отказать чужой, богатой женщине – вы могли отказать моему мужу, но дочери, вашей дочери, вы не можете, вы не должны отказать... (Сует ему бумагу в руки.)

КУЗОВКИН (принимая бумагу, со слезами). Извольте, Ольга Петровна, извольте, как хотите, что хотите прикажите, я готов, я рад – прикажите, хоть на край света уйду. Теперь я могу умереть, теперь мне ничего не нужно... (Ольга утирает ему слезы платком.) Ах, Оля, Оля...

ОЛЬГА. Не плачьте – не плачь... Мы будем видеться... Ты будешь ездить...

КУЗОВКИН. Ах, Ольга Петровна, Оля... я ли это, не во сне ли это?

ОЛЬГА. Полно же, полно...

КУЗОВКИН (вдруг торопливо). Оля, встань; идут. (Ольга, которая почти села ему на колени, быстро вскакивает.) Дайте только руку, руку в последний раз.

КУЗОВКИН поспешно целует у ОЛЬГИ руку. Она отходит в сторону. КУЗОВКИН хочет подняться и не может. Из двери направо входят ЕЛЕЦКИЙ и ТРОПАЧЕВ; за ними КАРПАЧОВ. ОЛЬГА идет к ним навстречу мимо КУЗОВКИНА и останавливается между им и ими.

ТРОПАЧЕВ (кланяясь и рисуясь). Enfin – мы имеем счастье вас видеть, Ольга Петровна. Как ваше здоровье?

ОЛЬГА. Благодарствуйте – я здорова.

ТРОПАЧЕВ. У вас лицо, как будто...

ЕЛЕЦКИЙ (подхватывая). Мы оба с нею что-то сегодня не в своей тарелке...

ТРОПАЧЕВ. И тут симпатия, хе-хе. А сад у вас удивительно хорош.

КУЗОВКИН через силу поднимается.

ОЛЬГА. Я очень рада, что он вам понравился.

ТРОПАЧЕВ (словно обиженный). Да ведь послушайте, я вам скажу – ведь он прелесть как хорош – mais c'est tres beau, tres beau... Аллеи, цветы – и все вообще... Да, да. Природа и поэзия – это мои две слабости! Но что я вижу? Альбомы! Точно в столичном салоне!

ЕЛЕЦКИЙ (выразительно глядя на жену, с расстановкой). Разве тебе удалось устроить? (Ольга кивает головой, Тропачев из приличья отворачивается.) Он принял? Гм. Хорошо. (Отводя ее немного в сторону.) Повторяю тебе, что я всей этой истории не верю – но я тебя одобряю. Домашнее спокойствие не десяти тысяч стоит.

ОЛЬГА (возвращаясь к Тропачеву, который начал было рассматривать альбом на столе). Чем вы тут занялись, Флегонт Александрыч?

ТРОПАЧЕВ. Так-с... Ваш альбом – вот-с. Все это очень мило. Скажите, вы не знакомы с Ковринскими?

ОЛЬГА. Нет, не знакомы.

ТРОПАЧЕВ. Как, – и прежде не были знакомы? Познакомьтесь – я вам советую. У вас это почти что лучший дом в уезде, или, лучше сказать, был лучший дом до вчерашнего дня, ха-ха!

ЕЛЕЦКИЙ (между тем подошел к Кузовкину). Вы берете деньги?

КУЗОВКИН. Беру-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Значит – солгали?

КУЗОВКИН. Солгал.

ЕЛЕЦКИЙ. А! (обращаясь к Тропачеву, который рассыпается перед Ольгой и волнообразно сгибает свой стан.) А вот, Флегонт Александрыч, мы вчера с вами подсмеивались над Васильем Семенычем... а ведь он свое дело-то выиграл... Известие сейчас получено. Вот пока мы в саду гуляли.

ТРОПАЧЕВ. Что вы?

ЕЛЕЦКИЙ. Да, да. Ольга вот мне сейчас сказала. Да спросите его самого.

ТРОПАЧЕВ. Неужели, Василий Семеныч?

КУЗОВКИН (который все время до конца сцены улыбается, как дитя, и говорит звенящим от внутренних слез голосом). Да-с, да-с. Достается-с, достается-с.

ТРОПАЧЕВ. Поздравляю вас, Василий Семеныч, поздравляю. (Вполголоса Елецкому.) Я понимаю... вы его вежливым образом удаляете после вчерашней... (Елецкий хочет уверять, что нет.) Ну да... да... и как благородно, великодушно, деликатно... Очень, очень хорошо. Я готов об заклад побиться, что эта мысль (с сладким взглядом на Ольгу) вашей жене в голову пришла... хотя и вы, конечно... (Елецкий улыбается. Тропачев продолжает громко.) Хорошо, хорошо. Так теперь вам, Василий Семеныч, туда переезжать надо... Хозяйством попризаняться...

КУЗОВКИН. Конечно-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Василий Семеныч мне сейчас сказал, что он даже сегодня съездить туда собирается.

ТРОПАЧЕВ. Еще бы. Я очень понимаю его нетерпенье. Хе, черт возьми! Водили человека за ном, водили-водили – ну, наконец, досталось именье... Как тут не захотеть посмотреть на свое добро? Не так ли, Василий Семеныч?

КУЗОВКИН. Именно-с так-с.

ТРОПАЧЕВ. Ведь вам, чай, и в город придется заехать?

КУЗОВКИН. Как же-с; все в порядок привести следует.

ТРОПАЧЕВ. Так вам мешкать нечего. (Подмигивая Елецкому.) Каков Лычков, отставной стряпчий? Чай, ведь это он все? (Кузовкину.) Ну и рады вы?

КУЗОВКИН. Как же-с, как же не радоваться?

ТРОПАЧЕВ. Вы мне позволите вас навестить на новоселье... а?

КУЗОВКИН. Много чести, Флегонт Александрыч.

ТРОПАЧЕВ (обращаясь к Елецкому). Павел Николаич, как же это? Надо бы Ветрово-то спрыснуть.

ЕЛЕЦКИЙ (несколько нерешительно). Да... пожалуй... да. (Подходит к двери залы.) Позвать мне Трембинского!

ТРЕМБИНСКИЙ (быстро выскакивая из двери). Чего прикажете?

ЕЛЕЦКИЙ. А! Вы здесь... бутылку шампанского!

ТРЕМБИНСКИЙ (исчезая). Слушаю-с.

ЕЛЕЦКИЙ. Да, послушайте! (Трембинский опять появляется.) Я, кажется, в зале господина Иванова видел – так попроси его войти.

ТРЕМБИНСКИЙ. Слушаю-с. (Исчезает.)

ТРОПАЧЕВ (подходя к Ольге, которая все время стояла у стола с альбомами и то опускала глаза, то тихо поднимала их на Кузовкина). Мадам Ковринская чрезвычайно будет рада с вами познакомиться... enchantee, enchantee. Я надеюсь, что она вам понравится... Я у нее в доме совершенно как свой... Умная женщина и, знаете ли, эдак... (Вертит рукой в воздухе.)

ОЛЬГА (с улыбкой). А!

ТРОПАЧЕВ. Вы увидите. (Трембинский входит с бутылками и бокалами на подносе.) А! Ну, Василий Семеныч, позвольте вас душевно поздравить...

ИВАНОВ входит, останавливается у двери и кланяется.

ОЛЬГА (ласково Иванову). Здравствуйте, я очень рада вас видеть... Вы слышали... вашему приятелю Ветрово достается...

ИВАНОВ вторично кланяется и пробирается к КУЗОВКИНУ. ТРЕМБИНСКИЙ подносит всем бокалы.

ИВАНОВ (вполголоса и скороговоркой Кузовкину). Василий, что они врут?

КУЗОВКИН (тоже вполголоса). Молчи, Ваня, молчи; я счастлив...

ТРОПАЧЕВ (с бокалом в руке). За здоровье нового владельца!

ВСЕ (исключая Иванова, который даже свой бокал не выпивает). За его здоровье! За его здоровье!

КАРПАЧОВ (басом, еще раз, один). Многая лета!

ТРОПАЧЕВ сурово на него взглядывает; он конфузится. КУЗОВКИН благодарит, кланяется, улыбается, Елецкий держит себя строго; ОЛЬГЕ неловко, она готова заплакать; ИВАНОВ изумлен и посматривает исподлобья.

КУЗОВКИН (трепещущим голосом). Позвольте мне теперь... в такой для меня торжественный день – изъявить мою благодарность за все милости...

ЕЛЕЦКИЙ (перебивая его, строго). Да за что же, за что, Василий Семеныч, вы нас благодарите?..

КУЗОВКИН. Да-с. Да ведь все-таки-с вы мои благодетели... А что касается до вчерашнего моего – как бы сказать – поступка, – то простите великодушно старика... Бог знает, с чего я это и обижался-то вчера, и говорил такое...

ЕЛЕЦКИЙ (опять перебивая его). Ну хорошо, хорошо...

Нахлебник. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
КУЗОВКИН. И из-за чего было обижаться? Ну, что за беда... Господа пошутили... (Взглянув на Ольгу.) Впрочем, нет-с, я не то-с. Прощайте, благодетели мои, будьте здоровы, веселы, счастливы...

ТРОПАЧЕВ. Да что вы так прощаетесь, Василий Семеныч, - ведь вы не в Астрахань уезжаете...

КУЗОВКИН (растроганный, продолжает). Дай бог вам всякого благополучия... а я... мне уж и у бога нечего просить - я так счастлив, так... (Останавливается и усиливается не плакать.)

ЕЛЕЦКИЙ (в сторону, про себя). Что за сцена... Когда он уедет?

ОЛЬГА (Кузовкину). Прощайте, Василий Семеныч... Когда вы к себе переедете - не забывайте нас... Я буду рада вас видеть (понижив голос), поговорить с вами наедине...

КУЗОВКИН (целует у нее руку). Ольга Петровна... Господь вас наградит.

ЕЛЕЦКИЙ. Ну хорошо, хорошо, прощайте...

КУЗОВКИН. Прощайте...

Кланяется и вместе с ИВАНОВЫМ идет к дверям залы. Все его провожают. ТРОПАЧЕВ у порога еще раз восклицает: "ДА здравствует новый помещик!" ОЛЬГА быстро уходит в кабинет.

ТРОПАЧЕВ (оборачивается к Елецкому и треплет его по плечу). А знаете ли, что я вам скажу? Вы благороднейший человек.

ЕЛЕЦКИЙ. О, помилуйте! Вы слишком добры...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!